

811.86
1551

РУССКАЯ
КНИГА

Юрий БЕРНАДСКИЙ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

7. 7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

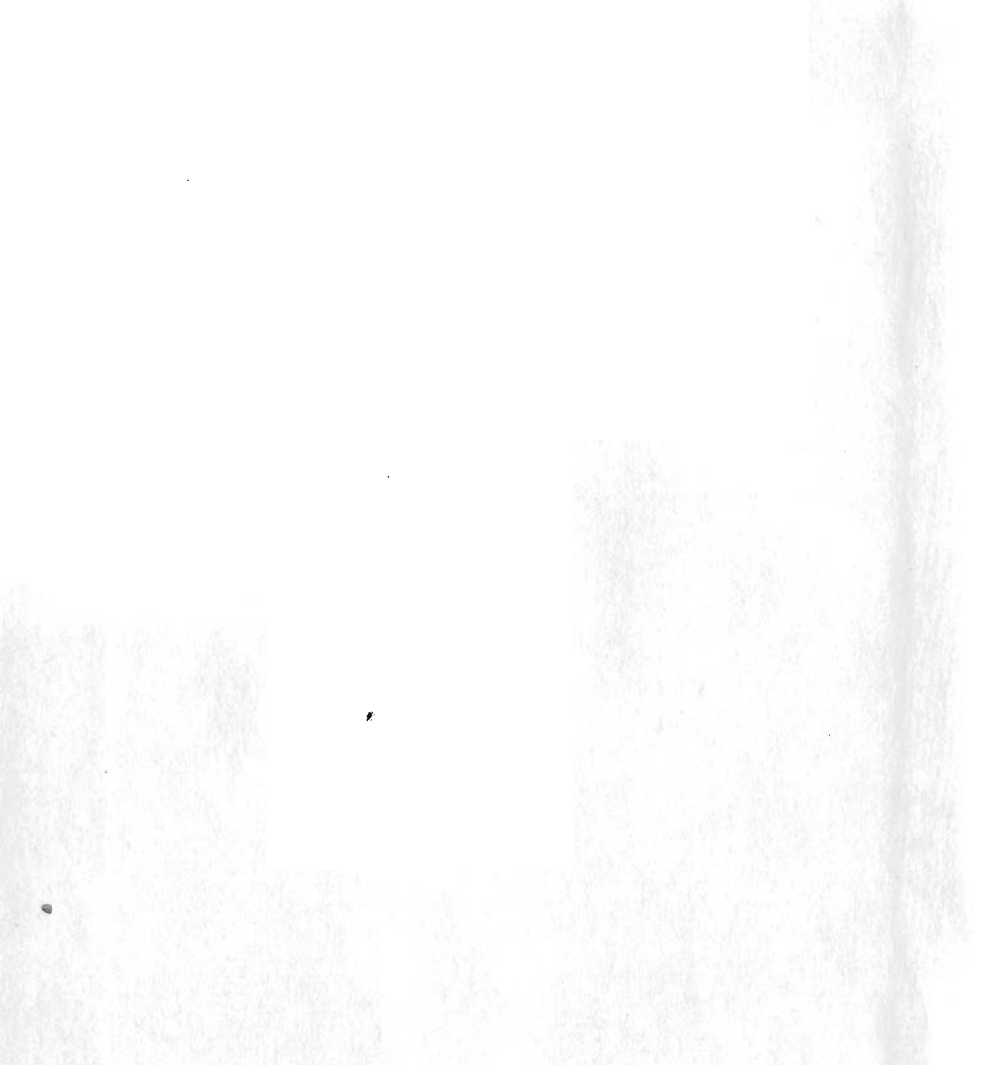
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во пред. выдач.

~~218 - 25/2~~

~~215 - 402~~

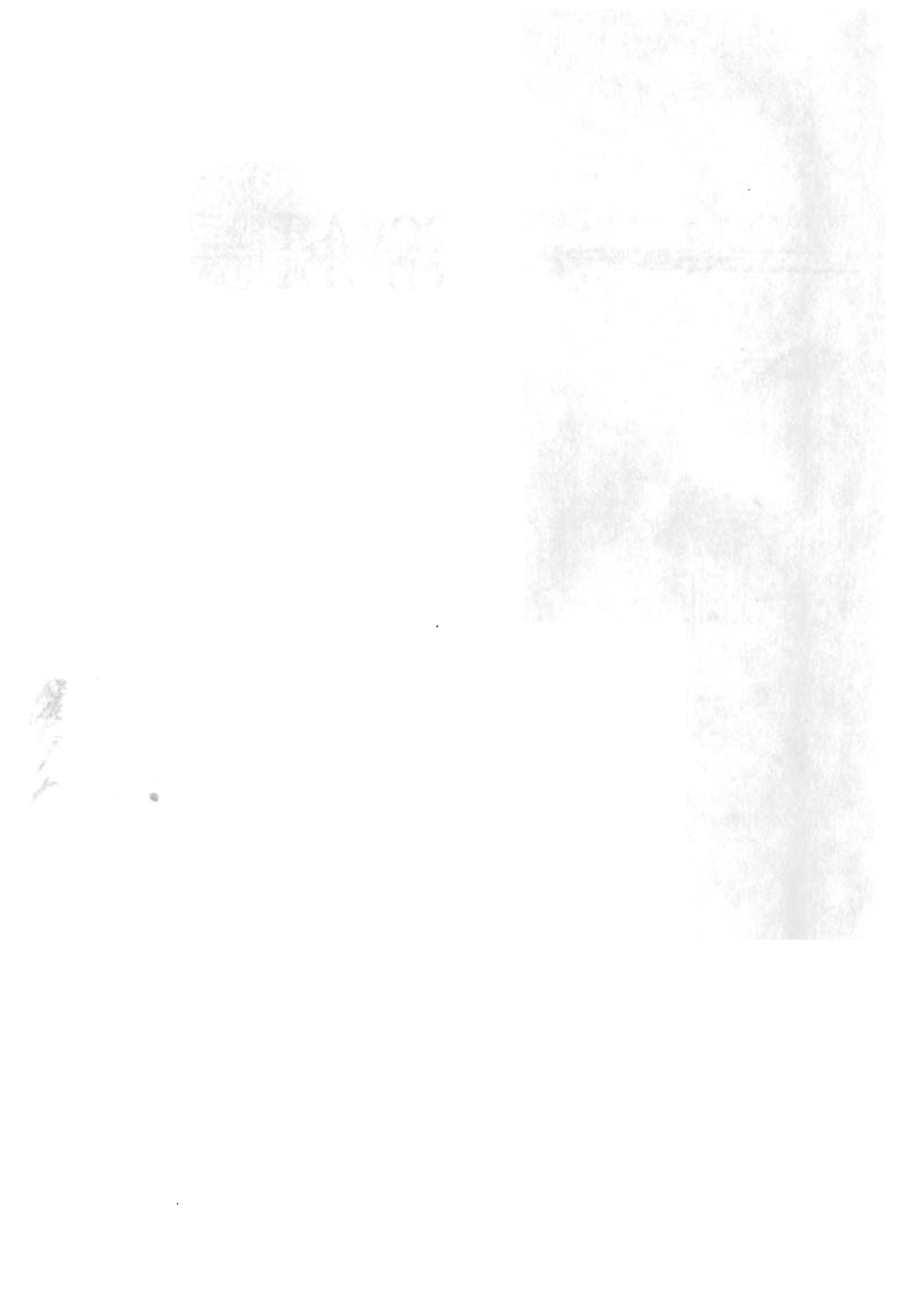
210 - 402

**РУССКАЯ
КНИГА**

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

8416
Б51

Юрий Бернадский

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

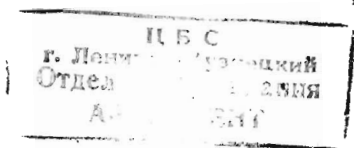
Стихи и поэмы

Новосибирск
2010

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Б-51

88619 (1)

Ответственный за выпуск
Александров Н.А.

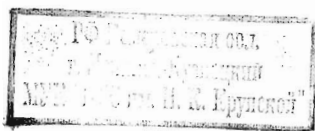

Б-51 Бернадский Ю.И.

Горсть земли. Стихи и поэмы.- Новосибирск: Издатель-
ский Дом «Историческое наследие Сибири», 2010.- 192 с.

ISBN 5-8402-0362-9

© Бернадский Ю.И., 2010.

Дорогой читатель!

В твоих руках книга замечательного поэта Юрия Бернадского. Поражает искренность его стихов, открытость души и чистосердечное желание понять себя и окружающий мир. Семья, друзья, смысл жизни, природа, история Отечества, любовь – вот темы, которые затрагивает поэт в своих стихах-размышлениях, и при этом – никаких всхлипов и экзальтации, манерности и слащавости, перед тобой серьезный, вдумчивый взгляд в настоящее и глубоко философское, религиозное размышление о будущем. Юмор и легкая добрая улыбка, нежное чувство, негодование и боль – все это переживешь и прочувствуешь, когда начнешь читать книгу «Горсть земли», а когда прочтешь, то утвердишь свою веру в то, что душа еще жива, что добро и любовь вечны, как вечен человек, как вечен его путь к счастью: да – через боль и страдание, да – через мучительный поиск себя, но, собственно, это и есть наша настоящая реальная жизнь, наш трудный путь в будущее, где нас ждет Истина и Любовь, которую мы приобрели на земле.

Николай Александров

ЗАЧЕМ ЖИВУ

Привыкли с детства мы во многом сомневаться.
Авторитетов нет, и – мир трещит по шву.
Нам древних истин смысл не хочет открываться.
Спроси себя – зачем на свете я живу?

Родился человек – загадка или чудо?
И кто вершит судьбу и меряет года?
Случайно и на миг возник из ниоткуда.
Мгновение спустя исчезнет в никуда.

«Я мыслю, – бросил клич Декарт, – я существую!»
Вот непреложный факт!.. Но что-то здесь не то.
Мы ищем жизни смысл, как и вчера, вслепую.
И тащим наугад, как номера лото.

Мы ищем верный путь по рваной в клочья карте,
Которую кружút и путает туман.
Из сотен государств, научных школ и партий
Мы выбираем ту, чей красочней обман.

Что нас объединит – нелепая задача –
Походы по грибы, гармонь и сала пуд?
Пока мы в темноте блуждаем наудачу,
Нам делает клистир рассудка Голливуд.

Нас миллиарды. Мы от наслажденья стонем.
Нас сетью Интернет опутал как тюрьма.
В отходах городов мы безнадежно тонем.
И ищем новый смысл в эстетике дерьма.

Мы к Родине глухи – о чем бы ни просила.
Нет духа побороть к вину и блюду страсть.
И искушает нас богатством вражья сила –
Не праведно нажить, а как бы где украсть.

Врагов как будто нет, а явный вред в избытке.
За что бы ни взялись – все делаем не так.
Ни чести, ни стыда, – реклама и агитки.
И хаос в голове. И на болоте флаг.

Остался только шаг, чтоб встать на четвереньки.
Живем не для души, а чтоб от пуза есть.
Поможет кто теперь всем потерявшим деньги?
Сегодня кто поймет не потерявших честь?

Плывем по воле волн. А что нам остается?
Оправдывать себя по слабости души.
Мир как-то сам собой во что-то разовьется
Хорошее, даст Бог. А нет – так за ножи.

Никто и никому сердечно не обязан.
И правды всякий раз у нас зачем-то две.
Мы стукаемся лбом об стену раз за разом,
Уж если мысль гвоздем засела в голове.

Ее ведь не пошлешь в сердцах витиевато.
Нотации читать, – да Боже упаси!
Но что-то быть должно для нас дороже злата:
Для сырых – на земле, для всех – на небесу.

Стремимся к одному – умножить потребление, –
Бери от жизни все, и именно сейчас!
Но из других миров приходит озаренье –
К заветам старины вернуться пробил час.

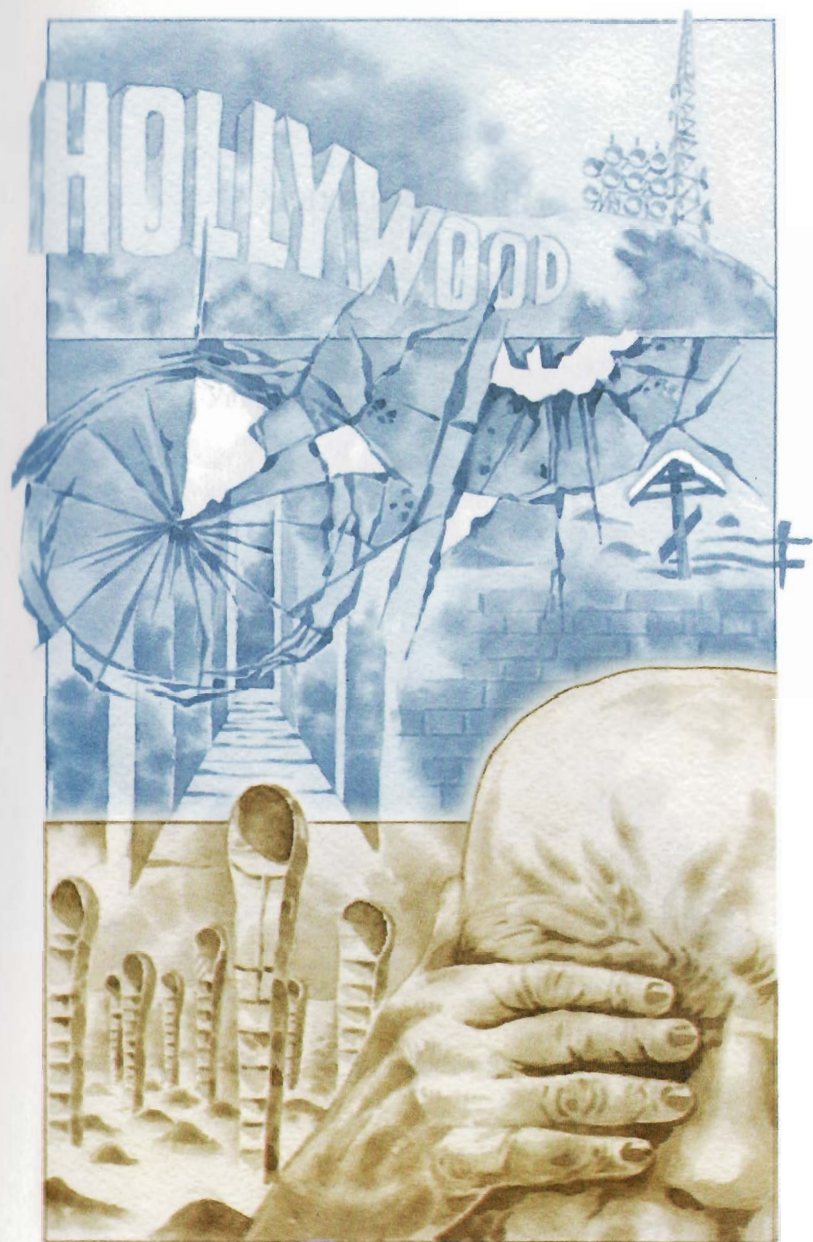
Мы верим: победить у нас побольше шансов,
И есть прикрыться чем от рыночных атак.
Нам кажется, что мы душевнее германцев,
И нас спасет от бед всегдашний наш бардак.

Жаль, задним мы умом, как правило, богаты.
И чувствуем грозу седалищем своим.
Но нам несут «дары» данайцы-демократы,
И с совестью своей мы вновь ведем бои.

В пустые черепа стучать – не достучаться.
И честный человек в своей стране – изгой.
На банковском счету вы не найдете Счастья.
Оно не в сундуках – в согласии с собой.

Нам скучно без затей – то пьем, то лупим рожу.
То отдаем на храм все разом серебро.
А если вдруг пожар, спасаем что дороже –
Икону и детей, а уж потом добро.

Мне стыдно битый час сидеть без дела праздно
И кланчить разных благ у Бога и родни.
О многом не прошу – избави от соблазна,
Семью и отчий дом спаси и сохрани.

ИДУЩИМ СЛЕДОМ

Под нами – пласты поколений.
Над нами – еще не рожденных громада.
И те, что играют у нас на коленях,
Увидят рождение Города-сада.

Мы ляжем в земле перегноем,
В фундаменты будущих зданий – камнями.
Мы двери Истории настежь откроем:
Дерзайте, идущие следом за нами!

Владейте просторами пашен,
Которые мы очищаем от барства.
Возьмите знамена и заступы наши.
Забудьте границы руин государства.

Вы – наших имен отголоски,
Природы последыши и новоселы.
Вы – родичи белым изгибам березки,
Протяжному оканью в северных селах.

Торжественность наших обрядов,
Густой аромат придорожной полыни
Мы вам завещаем для Города-сада,
Где Совесть и Родина станут святыней.

ЗАПОВЕДИ МОЕЙ СЕМЬИ

Каждый сам выбирает дорогу,
В жизни – дело, и в небе – звезду,
И какому молиться пророку,
И в какую поверить мечту.

Наши деды сомненья не знали, –
Избы строили и города,
Воевали, любили, пахали,
Не робели, уж если беда.

Годы движутся, неумолимы.
После стольких удач и утрат
Нам даровано доброе имя
И любовь, что дороже наград.

Нам без дела и скучно, и тесно,
Даже если комком первый блин.
Из добротного русского теста
Дед мой **Шадрин**, твой дед **Шабалин**.

Я не праведник, я трудоголик.
И меня защищают от ран
Имена, дорогие до боли –
Нина, Рая, Татьяна, Иван.

Дай нам, Боже, людьми оставаться,
Как сказали б отец мой и мать.
И детей научить не сдаваться,
Не бояться и не предавать.

Не стоять перед миром в исподнем,
В суете не крутиться винтом...
День грядущий готовить сегодня,
Не откладывая дел на потом.

Не по-щучьему править велению,
Не на происки чьи-то ворчать.
Только личной победой над ленью
Каждый день, каждый миг отмечать.

Не родством и богатством кичиться,
А друг в друге талант открывать,
Развивая способность учиться,
Думать, действовать и создавать.

Не сорить беззаботно деньгами,
Тратить меньше, чем смог накопить.
Пусть господствует прочно над нами
То, что вжизнь не украсть, не купить.

Не золотые браслеты и чаши,
Не богатый имуществом быт –
С нами главные ценности наши:
Дети, совесть, семья, честь и стыд.

Бить виновных – не в том наша сила.
И змею, что тебя укусила,
Не ловить, не от страха икать, –
Против яда лекарство искать.

Не давая друг друга в обиду,
Отличать заблужденье от зла.
Видеть цель, не теряя из виду...
Нам по силам большие дела.

Правду ищем мы меж полюсами.
Прем за искренность душ на борьбу.
Пусть грешим, исправляем же сами
И ошибки свои и судьбу.

Дети вырастут, выберут дело
По душе (не на шею аркан).
Яна будет творить, как хотела,
Строить собственный бизнес – **Роман**.

И всегда без сомненья ты будешь
Мысль и труд инвестировать вновь
В то, что сроду за деньги не купишь, –
В душу, сердце, здоровье, любовь.

Не поддастся влиянию многих.
Не кручиниться, сидя на пне.
Ведь семья – не приют для убогих,
А – уверенность в завтрашнем дне.

Нам дороже всех партий и клубов
Верность делу и вера в людей.
Мы – сообщество дерзких Колумбов,
Космодром уникальных идей.

Нам дано, как святое причастие,
Как знаменье, как яблочный Спас,
Ощущение праздника, счастья
Каждый день для любого из нас.

Мы приложим все силы и волю,
Чтобы творческий дух и талант
Не развеять по чистому полю,
А сберечь и умножить стократ.

Нас сближают не пьяные песни.
Нами движет доверия свет.
Если мы собираемся вместе, –
Ничего невозможного нет.

Северный ветер

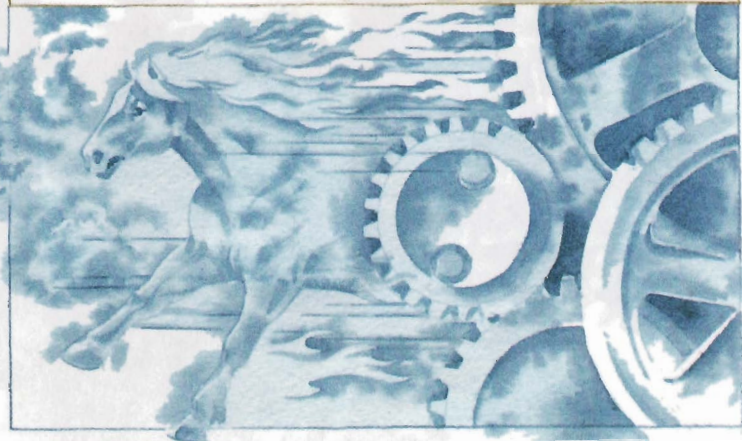
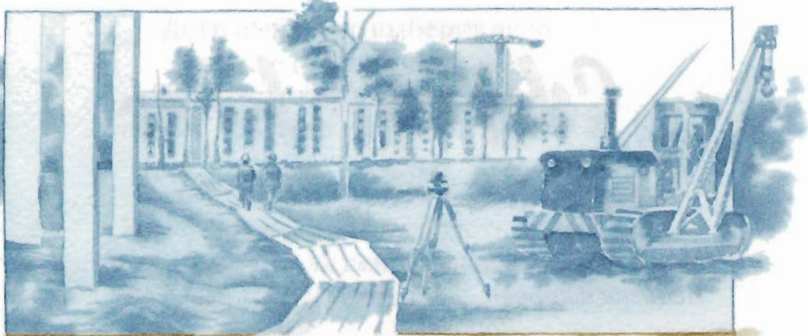
*Мир в оконном проеме,
Недогие встречи –
Дорога...*

61 61928

По заказу
2 Заказ № 333
МФБ "Искусство и Культура"

Издательство
"Северный ветер"

ДА БУДЕТ ТАК!

Живой воды летящих брызг,
Мне надо бесноватых молний,
Чтобы захлестывали волны,
Чтоб сапоги – разбиты вдрызг

От пройденных путей-дорог.
Чтоб неизвестность не пугала.
Мне одного простора мало!
Мне надо, чтоб бурлил поток.

Чтобы крутил водоворот,
Чтоб под напором весла гнулись,
От напряженья вены вздулись.
Чтоб не хватало сил порой

Плыть против бешеных стремнин
И резать волны носом лодки.
Чтобы кусать, отчаясь, локти,
Но туже стягивать ремни!

Идти вперед, – чтоб тверже шаг.
Чтоб проверялась сила воли.
Чтобы физической болью
Тоску глухую заглушать.

Пусть тучи клочьями летят,
Предсказывая непогоду.
Пусть мне всю жизнь звенеть аккордом
В оркестре уличных бродяг.

Но мной не овладеет страх.
Пусть денег не скоплю «как люди».
Но все мое богатство будет
В стихах и преданных друзьях.

У РОДНИКА

Слово – ручей, из которого пью.
Синь родниковая – русское слово.
В разнаязычье не знаю другого,
Чтобы тревожило душу мою.

Ситцы роняю в густую траву,
Горечи губ удивляюсь любимой
Или безумствую от нестерпимой
Боли –
я слово на помощь зову.

В песне затеплится тихой оно,
Или споткнется в атаке о пулю,
или – горячее – выдохнет бурю.
Слово – удел мой.
Других не дано.

Восемь часов у станка отстою
Или брожу отрешенно по дому –
Я одному поклоняюсь святому.
Слово – ручей, из которого пью.

Каждому – дума и доля своя.
Малую жизнь проживи, как большую...
Если чего у судьбы и спрошу я, –
Перед кончиной – глоток из ручья.

ЗА ГОРИЗОНТ

Забыты страх, сомненья и усталость,
С ног сброшены колодки тормозов, –
Все это по ту сторону осталось...
Иду за горизонт!

Беспечный праздник или вечный сон там, –
Перешагну незримую черту.
А если пустота за горизонтом, –
Заполню пустоту!

Пусть будет путь открытъями отмечен.
Иссушит горло жажда новых встреч.
Обузу быта, ту, что давит плечи,
Я сбрасываю с плеч!

Через барьеры, омуты и броды,
Не ради выгод, славы и призов,
Ученики и баловни природы,
Айда за горизонт!

МЕЧТЫ СТАРОЙ ШТОРМОВКИ

Время торопит – свободной минуты не жди.
Бегаем по свету, заняты делом, – не ходим.
Осень. Еще надоест не успели дожди,
А за окном снегопад время по ветру гонит.

Шубы едва привыкают к забытым плечам
И выгорают под жаром весеннего солнца.
Кончилась ночь, – догореть не успела свеча.
Время торопит, и мы без оглядки несемся.

Много ли надо нам?

Досыта выспаться раз
И отогреться у южного моря немного.
Может, впервые узнать, что такое «заря»,
И не спеша рассказать, что такое «дорога».

Нам бы хоть раз отдохнуть и не мчаться бегом...
Но уезжаю без злобы и денег в карманах
Я на единственный южный из всех берегов
Самого северного в мире из океанов.

ПРОВОДЫ

Суматоха у касс и гудки тепловозов –
вокзал.

Бестолковые слезы и рукопожатья –
прощанье...

Что-то хочется теплое вам напоследок сказать,
Дорогие мои, не смотрите уж очень печально.

Наставленья на правильный путь, бодрость духа –
отец.

Напоследок советы, авоська с продуктами –
мама.

Теплота неизбывная двух самых близких сердец,
Безграничная преданность, значит –
любовь без обмана.

Толкотня в коридорах, прокуренный тамбур –
вагон.

Мир в оконном проеме, недолгие встречи –
дорога.

Уезжаю, как прежде, в расплывчатое «далеко».
И, как прежде, душой остаюсь у родного порога.

НОВОСТРОЙКА

Звенели тросы, как струны скрипок,
Ветер ноты со струн срывал.
На первой странице была раскрыта
Древняя азбука мастерства.

Краны к фундаменту дома сошлись,
Зачин приветствуя стоя.
Пел «майна» и «вира» монтажник – солист
В опере новостроек.

Сваи по плечи вгрызались в грунт
С грохотом, скрипом, громом.
Был воздух морозный железист и крут...

Казалось, они никогда не умрут,
Звуки рождающегося дома.

ЗАВОД

Завод – машина из машин –
Обязан жизнью точным числом,
Колесам, блокам, коромыслам,
Идеям малым и большим.

В цехах – пристанища богов –
Всесильный хор железных глоток:
Звонки мостов и скрип лебедек,
Сцепленье рук и рычагов.

Горячее дыханье всей
Машины –
шатунов и бабок –
Стремленье вырваться из рамок,
Сорвать болты, сойти с осей...

Но ляжет твердая рука
На необузданные звенья.
И дел привычных вдохновенье
Отнимет ярость у станка.

И зарычит, и запоет,
И ноги даст себе стреножить
Рабочая большая лошадь,
Машина из машин –
Завод.

ЗА ОКНОМ

Чертежи, чертежи, чертежи –
Мысль, зажата в клетки форматов...

За окном – неустойчивость марта, –
Голубых голубей кутежи.

В кабинетах – работа в тиши.
Перепачканы грифелем пальцы, –
Деловой увлеченности панцирь,
И служебные этажи.

А на город идут миражи:
Пьют олени из труб водосточных,
Зелень клейкая треснувших почек,
И асфальт от капли дрожит.

Мелких лужиц и окон больших
Запрокинуты в небо глазницы.
Ржет трамвай молодой кобылицей
И шарахается от машин.

У карнизов, как будто стрижи,
Самолетиков стаи газетных
К окнам льнут...

А в тиши кабинетной –
Чертежи, чертежи, чертежи.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Мы с мамой учимся ходить:
Двор топотней разбужен.
На нас вся улица глядит...
И рожица из лужи.

Я взрослый, я не упаду!
(Вокруг смеются лица)
Я маму за руку веду,
Чтоб ей не оступиться!

Я сам! Я и один могу:
Нога к ноге,
шажок к шажку.
«Как взрослый», – мама скажет.

А на заборе воробьи
Ерошат перышки свои,
Не замечая даже,
Как делаюсь я старше...

Мир покачнулся! – не беда...
Но прынула к лицу вода,
И под ботинок – камень.

Постой, дорога, ты куда!
И – хвать ее руками.

И – в слезы...
Ну, не плачь, малыш.
Ударился немножко?

Вставай, ты завтра полетишь
Мечтой и делом выше крыш.
Такие дали оглядишь...
Пойдем,
давай ладошку.

ТУМАН В ГОРОДЕ

Ранним утром – наверно, в веках
Наскитались –
В сонный город вошли облака
И остались.

Окна, лица, деревья – в росе.
И казалось,
Будто кто-то чудачит и всех
Водит за нос.

Не отыщете прежних следов:
От прохожих
Прячут дом облака,
От котов
Црячут кошек.

У молочниц никто молоко
Брать не хочет, –
Привыкают пить из облаков,
Есть из форточек.

И молочницы – суть не в рублях,
Жалко все же
Просто выбросить – прямо из фляг
Кормят кошек.

И, стыдясь ремесла своего, –
Черт с ней кражей! –
Мнется жулик, за ночь ничего
Не укравший...

Цвел белесым подобьем цветка
Влажный воздух...
Кто-то кашлянул, что облака –
Сырость просто.

У ГРАНИ ТЕМНОТЫ

О, безмятежные до срока
Роженицы беспечных чад,
В каком неведенье глубоком
Вы ждете тех, кто в вас зачат!

О вы, беременные веком,
Когда созреет тяжкий плод,
Каким зерном, каким побегом
В вас неизвестность оживет?

К святому таинству причастны,
Дни почитая за года,
Как вы уродливо-прекрасны
На грани муки и стыда!

Во власти страха и причуды,
В заботах дня, в ночной тиши
Вы – в услужении у чуда,
Которому название – Жизнь.

Найдя спасительные тропы,
Весь мир –
и свой, и каждый дом –
Вы охраняете в утробе,
Совсем не думая о том.

ГОРОДСКОЙ АВТОБУС

Опять после смены в автобусной давке
Уставшие – сорок минут на ногах, –
Сосествуем временно, как на бегах,
Взвинтив на сиденья свободные ставки.

К дверí молодежь продирается бодро.
Старик восседает, авоську обняв.
Автобус плывет в придорожных огнях
И черпает их накренившимся бóртом.

Одна за одной – остановки...

Но – чудо!

Как будто по песням библейским несусь:
Распятый на поручнях виснет Иисус,
В углу на сидении дремлет Иуда.

Святая Мария двадцатого века,
Где силы – с младенцем грудным на руках,
С пакетом искусственного молока
Стоять и усталости будто не ведать?

Покой непорочный и хрупок, и тонок.
Спешат поседеть раньше срока виски.
Рвет слабеньким горлом весь мир на куски
Охрипший, зареванный чей-то ребенок.

Ему эта взрослая наша забава
С автобусом, видимо, не по нутру.
И незакрывающуюся дыру
Кричащего рта
не унять, не убавить...

Всем ямам в угоду автобус болтало.
Подумаешь – сорок минут. И всего-то?!
И чуть улыбался водитель устало:
Такая дорога.
Такая работа.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Все мне кажется, будто я прошлым живу,
А не будущим – нет! – даже не настоящим.
Чешуей обрастаю, как вымерший ящер,
И ужом уползаю от света в траву.

Я, как папоротник, затаился в глуши.
Я коростой покрылся, как срез на осине...
Все мне кажется, что убывающей силы
Хватит жизнь свою лишь до утра дотащить.

Просыпаюсь в предчувствии краткости дня,
Будто это последний и больше не будет...

А сопливый мальчишка пескариков удит
И глядит, как Сократ, свысока на меня.

Тратить время на эту забаву, когда
И осталось его – лишь назад оглянуться?..
И заснуть...

И уже никогда не проснуться.
Сделать шаг и уже не оставить следа.

День закончится вскорости, как ни юли...
Только вдруг поплавок на воде заметался,-
И во мне незаметно убавилось старца,
И нога сквозь подошву дошла до земли.

Детство дальше...

Но из каких тайников
Отозв́алось оно неумным раздольем?
Где стоял этот хрупкий баркас на приколе,
Обрастая ракушкой и тиной с боков?

Босиком по росе!

Колесом – по лугам!
Обнимая деревья, баюкая травы...
Неужели все было когда-то взаправду,
А потом износилось, пошло по рукам?..

Все мне кажется, что наступающий день
Самый крайний – и я тороплюсь им напиться:
Все увидеть, узнать и всему удивиться,
И без грусти подумать о первой звезде.

ПОЛДЕНЬ

Август.

Дождь.

И нисколько не хочется
Лезть под крышу от мокрых капель.
Убаюкиваю руками,
Как младенца, свое одиночество.

Рябь на озере, плеск и шелест, –
Бьет копытами златогривая конница.
Будто бы небеса раскошелились –
Сыпят в воду золотые червонцы.

Ладоней подставленных не хватает
Остановить на лету чудотворство.
От облаков до кувшинок – так просто! –
Озеро и небо поменялись местами.

Дождь заблудился – к озеру клонится.
В небо заброшены радуги сети.
И, наконец, – долгожданное солнце –
Жмурьтесь,
смейтесь взахлеб,
глазейте!

ВЕТЕР

Непостоянный:

То стихнет, то выбьется
Челкой из-под косынки,
То пробежит из ночного по выпасам,
Будто ногами босыми.

Шалый:

Задремлет в траве под березками,
Ляжет в обнимку с грибами,
Или белье обрывает с веревками,
Парусом прогибая.

Северный:

Выстудит самое теплое
Лето, кутаясь в шали,
Иль карапузом сердито затопает
За убежавшим шаром.

Жаркий:

Пустыню прогонит верблюдицей
По разомлевшим землям.
Кепочкой по тротуару закрутится,
Сорванной с ротозея.

Озорватый:

То эхом раскатится
С просеки – топорами.
То у дороги смешливым телятницам
Платьвица задирает.

Бешеный.

Спертый.
Смерчем закрученный:
Крыши сорвет в селеньях...
Или притихнет волчонком прирученным
У детворы на коленях.

ИЗ ДЕТСТВА

Кныш непоседливый, пострел!
Ивовый прутик – вместо шпаги.
Грозит чертополох в овраге
Трезубцами зеленых стрел.

По ко́ням!

И – несется вскачь,
Тряся – упругий – за собою
Ивовый прут.

Оружье к бою!
Щетинится репей-басмач.

И рушится крапивы рать
У ног беспечного «тирана».
Не созидать – куда там, рано! –
Но все через себя познать.

Взлетает детская рука,
Круша плеча, в сердцах терзая
Зеленый мир...

Но строит за́мок
Мгновеньем позже из песка.

До утомленья.

На века́.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШКОЛЕ

Кляксы вороньих гнезд перепачкали
Серый линованный ватман дождя.
Давняя сумерек с солнцем вражда
Кончилась карканьем – вороньей стачкою.

Скис, будто только сейчас с похорон,
Дождь, без конца обрывающий листья.
Хрипылыми гаммами с неба пролился
Хор несогласных с враждою ворон,

Вспугнутых и бесконечно горластых...

Что это? – будто я снова во власти
Детства, его несерьезных законов.
Мне твоя челка до боли знакома
Щупленький в третьем ряду первоклассник.

Чистописание тебе не по силам.
Но – научился срисовывать кляксы,
Глядя в окно.
В зачарованном классе
Даже чернильные кляксы красивы...

Вдруг показалось, что годы – напрасны.
Мне только семь. Класс и – школьный звонок...

Как это все-таки было давно...
Как это было чертовски прекрасно!

В МУЗЕЕ

Пропеллер звонкий добелá,
Старинный, гнутый «фертом»,
И – обтекаемость крыла,
Расплющенного ветром.

Потешный ломаный каркас –
Баркас!..
Да нет – корыто!

Застывший скованно – анфас –
Глядит пилот открыто.

Из тех еще нелепых форм
В очках мотоциклетных –
Усатый дядька Черномор
Двадцатого столетья.

Простуженно хрипит о том,
Как рвется ветер за бортом.

НА КОНЦЕРТЕ

В нервных знаках нотный лист,
В ярости и силе.

На рояль упала кисть,
Будто отрубили.

И, морщинист и горбат,
Вздрогнул палец каждый...

И – ударили в набат
Сторожа на башне.

Ветра грозного струя
Вдруг пробила стены...

Черным вороном рояль
Кружится над сценой.

Будто из-под топора
Звук летит неистов...

Легче птичьего пера
Пальцы пианиста.

И угрюм и резок слог.
Наудачу, слепо
Звук пронзает потолок
И уходит в небо...

Грома выдохся раскат.
Воздух неподвижен...
Изнуренный музыкант...
Слушатель притихший.

ДЖАННИ МАРАНДИ

Тридцатилетние юнцы,
Звонкоголосые амурсы...

Утробный вздох клавиатуры
Небрежно брошен на весы –

В чернеющую чашу, в зал,
Который замер в ожиданье:
Губ удивленных очертания,
Глаз вдохновенье и азарт.

Мир, ускользящий из рук, –
Венеция гитар и скрипок.
Маранди – карнавал улыбок.
Беспечный танец. Адский труд.

Серьезной музыки урок.
Фарс и тоска по фейерверку...

Распят прожекторами сверху
Вдоль голоса и поперек.

Факир, а смотрит простачком,
Вас манит в круг. Еще не поздно.
И Апеннинский полуостров
Притопывает каблучком.

Пусть мимо черствости и зол
По залу ходят песен волны.
Пусть все предсказанные войны
Останутся без голосов.

НА СБОРНОМ ПУНКТЕ

Все когда-нибудь кончается.
Мать над лампой опечалится,
Плакальщица и молчальница,
Собирая сына в путь.

Ну а он, готовясь в воины,
Спит, заботами не скованный,
И во сне, неуспокоенный,
Рвется все куда-нибудь.

Из рубаш и брюк заплатаанных,
Из обид и щек заплаканных,
Шишек, синяков зааханных
Вырос мальчик...

Но пока

Тополь в сумерках обуглится.
За окном притихнет улица.
И луна – такая умница –
Спрячется за облака.

Все кончается когда-нибудь.
Огоньку поверив дальнему,
Детству скажет «до свидания»
Повзрослевший вдруг юнец.

Мать на сына не насмотрится,
И состарится, и сгорбится
За ночь, и в слезах умоется,
И утихнет, наконец...

И едва в окне забрезжит,
Станет все не так, как прежде.
Будто поднят трубачом,
Встрепенется взрослый мальчик,
Перебросив настоящий
Вещмешок через плечо.

Вы его не провожайте,
Жалостью не обижайте.
Разведет военкомат
По машинам и колоннам
Необученных, зеленых
Этих будущих солдат.

Кто – куда, кому как вышло –
Пограничная ли вышка,
Или корабельный стяг.
На два или на три года...

И отцы промолвят гордо:
«Сыновья нас защитят».

НАСТУПИТ ЭТОТ ДЕНЬ

Наступит этот день на рубеже веков,
Когда от той войны, последнею не ставшей,
Останется один от всех былых полков
Последний ветеран, в сороковых не павший.

Наступит этот день. И двадцать первый век
Ссутулится, глаза потупив виновато.
На стеллажах своих больших библиотек
Раскладывая жизнь последнего солдата.

Наступит этот день, бессмертьем не крещен.
И, без вины винясь, озябнет врач в халате.
Болезни и года предъявят длинный счет
Последнему, кто той войне отрезал: «Хватит!»

Наступит этот день, – и он не так далек, –
Когда со всех сердец, холодных и жестоких,
Бессмысленной войны бесследно стает лед.

Я верю, будет так.

Иначе жить не стоит.

НЕИЗБЫВНОЕ

Любуясь неброскими города фресками,
Выплыл вечер.
Трамвай электрическим током потрескивал,
Как кузнечик.

Лежала на лицах луны позолота.
Даже город
Похрапывал сонно в гортанях заводов
И моторов.

Рекламы, как мыши, неоном шуршали.
Рифмы веской
Искал на каком-то из двух полушарий
Вознесенский.

Над миром вздымались и гасли пожары.
Люди гибли.

А женщины снова младенцев рожали
И любили.

* * *

Слова расставить по местам,
Да так, чтоб каждое звучало.
Перечеркнуть, начать с начала
Терзанье буквами листа...

Как гласных неуклюж вокал
В неспевшихся квартетах строчек.
Как деспотичен каждый росчерк,
И слога тяжела рука.

Как рифмы точные горчат.
Проходят мимо строфы строєм...

Две строчки – все, чего я стóю, –
Сниму, как бабочку с плеча.

* * *

Дай Бог нам всем душевной теплоты,
Весенних рек веселого мерцанья,
Букетов ранних редкой красоты,
Птиц перелетных песен без названья.

Родным просторам сердце отвори...
В любом краю – и дома, и далече, –
Мне греет душу свет обской зари
Да полный ковш пьянящей русской речи.

Зеленый мир

Две строчки –
все, чего я стбю,
Сниму, как бабочку с плеча...

МЕТЕЛЬ

Казачья сотня. Белых всадников
Вдоль леса с посвистом разгулы.
В бока метели шпоры всажены.
Папахи. Ели. Есаулы...

Эй, кто там по оврагам корчится?
Кто волком по сугробам рыщет?..

Метель.
Теснее сбилась рощица.
Снег по глазам нагайкой свищет.

Пустынна улица.
Старушечья
Деревня сдвинула хатенки,
И задымила, и прислушалась
В сенях испуганным котенком.

Беззвучно шевелятся губы
В молитве: «Господи, помилуй...»

Зима заглядывает в трубы,
И снег со свистом – мимо, мимо...

А там, где вьюга злее выла,
Где Петербург с Невой обнялся,
Двадцатый век бродил, и было
Ему неполных восемнадцать.

СТИХИ НА ТАБУРЕТКЕ

Как хорошо и какая тоска
В шорохе вечнозеленых колючек!
Где-то жара сейчас, ну и пускай –
Снежные зимы с морозами лучше!

Тускло поблескивают на ветру,
Чуть шевелятся и тянутся к солнцу,
Горькой смолою расплакавшись, сосны,
Что преждевременно, рано умрут.

Полно! И вам горевать ли теперь?
Знают ли ваши мохнатые сестры,
Как бесконечно, торжественно-просто
В следующий год отворяется дверь?

Гроздь сережек, бумажных цветов, –
Вам наряжаться, лесные невесты,
Чтоб не осталось свободного места,
Чтобы прозреть, удивиться потом,

Вполоборота поймав на ветру
После всего бестолкового шума, –
Обыкновенная старая шуба
Дедом Морозом окажется вдруг.

И разразится приветствием – в крик –
Выстрелом предновогодних хлопшек
Для дорогих стариков и старушек
Вместо гостей – бородатый старик...

Каждый по-своему, все это так,
Празднуют праздники разные лица:
Сдержанно радуясь иль как простак,
Рубль променяв на зеленый пятак,
Чистить от плесени и веселиться...

Но озабоченно бьют на стене
Ходики.

Деды-морозы из ваты
Вторят: родителей не забывайте.
В праздники им одиноко вдвойне.

* * *

Вот и окончился
век бесконечных морозов.
Все повторяется,
словно вернулось назад.
Даже бездомному
злому бродяге-барбосу
Как-то не хочется
ноги чужие кусать...

АПРЕЛЬ

Крик ворона – осевших скрип дверей.
Крик ворона – песнь трудная уключин.
Любовник – по-другому не обучен, –
Закашлялся, от песен одурев.

Вскарабкался на ветку – вознесен,
И, харкающ, возлюбленную славит.
И голосит, и булькает в дубраве.
И думает, что жаворонок он.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Кузнечик тоненьким смычком
стрижет в траве
О лапку лапкой и – бочком
дизеы вверх.

Глазастый странный нотный знак
кипрейных роц –
Из тоненьких травинок фрак,
пошит за грош.

Он так игрою увлечен
двух жестких крыл,
Как будто первым скрипачом
в оркестре был.

Один и тот же звук и жест –
к стежку стежок...

И как ему не надоест
простой стишок?!

То рвется в самые верхи,
то приседает...

Скороговоркою стихи
июль читает.

О ЗЕЛЕНОМ РОСТКЕ

Задумано легко все было и несложно:
Октябрь семена поразбросал вокруг,
Осины оголил и облака взъерошил,
Осыпав дождь с листвой на чавкающий грунт.

Потом декабрь пригнал табун морозно-белых,
Как облака, седых крылатых кобылиц,
Летела с губ, как снег, взлохмаченная пена,
И гривы, как ветра, над соснами неслись.

Еще был март. И птицы к гнездам возвращались.
Аукался апрель со стаей журавлей.
Кому-то приносил на крышу счастье аист.
Чертил азартно грач по вспаханной земле.

Мир спал еще, но сон был очень-очень шаток.
Как лошадь, что впрягли в идущий туго плуг,
Приподнимая грудь, земля дышала жадно
И, как сама к себе, прислушивалась вдруг.

Так только в детстве спят, когда весь мир – как сказка:
Загадочен и прост, когда и сон – как явь,
Когда и акварель, и масляная краска,
И кисти под рукой – бери, и крась, и правь.

Тогда, вздохнув сквозь сон легко и просветленно,
Мир, приоткрыв глаза, почувствовал – пора!
И крохотный росток, едва-едва зеленый,
Прошел сквозь кожуру из темного нутра.

И было все вокруг огромно, страшно, странно.
Но тут, среди дубов, поправших высоту,
Он понял, что ему, как этим великанам,
Из желудя дано преобразиться в дуб.

ВЕСНА

Бесхитростный рисунок снега,
Сумятица полос и пятен...
Художник ясен и понятен
Для птиц, зверей и человека.

Укрыт под верхними мазками,
Заглажен черновик рабочий –
Неточный штрих, неровный росчерк –
Азарт и мощь картин наскальных...

И вот по этому холсту
Весна проводит мокрой тряпкой:
Ей очень хочется порядка,
Как вешнего тепла кусту.

Не терпится ей оголить
Все ямы, норы и засады.
Во что бы то ни стало
 надо
Ей докопаться до земли!

СМУЩЕНИЕ

Весна!

Не оставляйте домашних без присмотра.
Насквозь пропитан воздух изменчивостью форм.
Так, немощная старость вышагивает бодро.
Ворожеи и свахи бормочут наговор.

Взломаченное детство съезжает по перилам,
Мечтательная юность задумчиво-тиха.
И шепотом невнятным листва заговорила...
И курицы гоняют хромого петуха!

У девочки-подростка восторженность во взгляде:
Заброшены уроки, неясности влекут...
С ума сошла природа!

Весна!

Не оставляйте
Домашних без присмотра,
иначе убегут.

НОВОГОДНЯЯ ЗВЕЗДА

Ты проснешься, – и с утра
Затаятся, как зверушки,
Новогодние игрушки
Зашевелятся – пора

Ель заботой окружать,
Наряжать и наряжаться...

Тени за окном ложатся,
На снегу чуть-чуть шурша...

Бусы, хвоя, мишура,
Феи, финики, маслины,
В туюске из мешковины
Два раскрашенных шара.

Затаив дыханье, ждут
Маски, колпаки, короны,
Дед Морозом расторопным
С ночи сложенные тут.

А в сугробах детвора
Лепит снежного балбеса.
И качается над лесом
Шар литого серебра.

Этой ночи Новый год
Предоставлен на расправу.
И снеговиков орава
Любопытно к окнам льнет.

Там простые два стишка
Вокруг елочки поются.
Там подарки раздаются
Дед Морозом из мешка...

ПОСЛЕНОВОГОДЬЕ

Позабыты в январе
Бесшабашное веселье,
Дед-морозы, карусели,
Снежный «ирод» во дворе.

И пора бы разложить
Приготовленные на год
Белоснежную бумагу,
Краски и карандаши.

Взяться с третьего числа
За пейзажи и портреты,
Невзирая на запреты
И поблажки ремесла.

Пусть рисует по стеклу
Взвихренной еловой веткой
Иней-сказочник, отпетый
И неисправимый плут.

Пусть январь седым виском
Проучительствует месяц,
А потом уступит место
февралю...
И так весь год.

ЮЖНЫЙ ВЕТЕР

Ветер южный, ветер южный –
Запах дынь и губ верблюжьих
В середине февраля.
Снег еще не думал таять,
И лишь воробей болтает
Несерьезное «трал-ля».

Южный ветер, южный ветер...
Шевельнулся куст в кювете,
Воздух почками втянул,
Как ноздрями (что-то вызнал),
Скрипнул веткой, как присвистнул,
Будто высмотрел Весну.

За бугром, за дальним лесом
Терся о сосну облезлым,
Исхудалым боком лось.
Заворочался в берлоге
Косолапый.

Склон пологий
Сдвинулся –
и началось:

Заяц в пень забарабанил,
Заострился клык кабаньих,
Потроша в чащобе хлам.
Корни в почве завозились,
И живительная сила
Загудела по стволам.

Ветер южный – миг недолог –
Через столько голодовок,
Через вьюги и мороз –
Вот он! – все-таки добрался...

А февраль уже старался –
Сек «крупой» и вкривь и вкось.

ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ...

В предрассветный тихий час
Неправдоподобно часто
Звезды в крыши к нам стучатся,
Тают, пропадают с глаз,

Отрешенно рвутся вниз,
Закусив до боли губы...
Будто бы дурнушку в клубе
Охмуряет гармонист.

Ей и сладко и легко
Не бояться липких сплетен...

Над рекой проснулся ветер,
Стелется вдоль берегов.

В посветлевшей тишине,
В онемевшем тусклом свете
Звезды падают, как дети,
Беззащитные во сне.

Вскрикнув коротко о том,
Что паденью не кончатся,
Звезды падают «на счастье»
В теплую твою ладонь.

КРЫЛЬЯ

В звездную ночь занавесьте луну.
Свет зажигать не надо.
Слышите: тоненько ветер струну
Трогает звездопада.

Голову в ночь запрокиньте, как в пруд,
Где белокрылых стаи
Птиц,
что к рассвету бесслезно умрут,
Астр,
что к утру растают.

Тысячи глаз ободряющих – звезд –
Нас убеждают в силе.
Небо всей мощью врывается в мозг.
Так вырастают крылья.

И люди тогда, безрассудно смелы –
Пусть ждать не заставит кара, –
Бросаются к солнцу с отвесной скалы,
Бессмертные, как Икары!

ТИШИНА

Затихли голоса,
залеплены афиши,
Отменены все краски, –
лишь белый-белый снег.
Все растворилось в нем:
деревья, лица, крыши...
Я ничего не слышу,
я глохну в тишине.

Ничто не разорвет
ее глухие ставни.
Мехами снегопада
укуталась она.
И изо всех щелей
безмолвно прорастает
Огромная, как ночь,
как память, – тишина.

ОСЫПАЕТСЯ САД

Яблоко, упавшее в ладонь,
Зеленело недозрелым боком,
Пахло резедой и ненароком
С облаков упавшею водой.

Оттого ли вырвалось оно
Из сплетенья погрузневших веток,
Что случилось мерзнуть до рассвета,
Глядя в запотевшее окно,

Где садовник (невелик грешок)
Засыпал, похрапывая чинно,
Или оттого, что червячинка
Раскачала плод за корешок?..

Бережно потраченным трудом,
Пóтом пропитавшейся рубахой,
Срединой августа пропахло
Яблоко, упавшее в ладонь.

НА БЕРЕГУ

Пустынный берег: сохнут сети,
Белеют спины волн и чаек,
Которых ветер обучает
Одoleвать простор и ветер.

Полузаброшенные баржи,
Обглоданные днища лодок,
Буксир, ревуший в десять глоток
В медлительности черепашьей.

Песок, исчерченный рукою,
Несведущей в азах художеств...
Все это на пролог похоже,
Где повесть скрыта за строкою.

И, кажется, седые космы
Волн разойдутся пенным клином,
И выйдет на берег дружина,...
Иль вот сейчас родится остров.

САЖЕНЦЫ

Вдоль дороги у обочины –
Корень корню, ветке ветка –
Что-то шепчут неразборчиво
Две березы-малолетки.

Оголенные растения
Шеи тянут удивленно:
Все вокруг до обалдения
Голубое и зеленое!

Мимо них машин громадины,
Деловиты и серьезные,
Мчат, к березам невнимательны, –
Слишком крохотны березы.

В бытность их еще недолгую
Не крутило, не ломало.
Впереди невзгоды столькие...
Ну а им и дела мало!

Маршируют вдоль обочины,
Как – причислены к пехоте.
«Увольнительная кончена.
Мы из города уходим».

* * *

По беспокойному морю пшеницы
Ветер суденышки гнал васильков
От придорожных в пыли берегов
За горизонт, где закат наклонился
низко...

МАЙ

Это весна!

Незапятнана прошлым,
Память моя не припомнит другой
По-настоящему дружной, взъерошенной,
Взбалмошной, теплой и черт-те какой!

Мир и в морозы звенящие полон
Света, тепла и веселых хлопот.
Ну а весной даже от книжных полок
Запах раскрывшихся почек идет.

Через окно, как хороший знакомый,
Солнечный зайчик влетает опять
И начинает по стенам скакать
В тесном кругу расступившихся комнат.

«Зеркало в руки!» – командует он.
Значит, нельзя оставаться серьезным.
Зеркало в руки! Потом будет поздно
В небо бросать отраженный фотон.

Это игра.

Я ее принимаю,
Солнечных зайцев ловлю, отпускаю,
За уши самых игривых таскаю,
Радуюсь, даже надежду таю,
Что не один я ребячеством тешусь.

Грудь наполняет веселая свежесть.
Я принимаюсь скворечники вешать.
И не жалею, когда отдаю
Первому встречному радость свою.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Кто сказал, что в апреле приходит весна,
 опротечив:
Как срывается на полуслове струна,
 гаснут свечи,
Как любимая, вдруг разлюбив навсегда,
 хлопнет дверью,
Опускается медленно на города
 снег в апреле.

Как в лесу отсыревшем сгорают вразнос,
 в пепел жарки,
Как над пропастью даже устойчивый мост –
 будто шаткий,
Как едва различим вдалеке ураган –
 еле-еле,
Так беспомощно-холоден в теплых руках
 снег в апреле.

...Но в колку́ зажимают другую струну
 вместо рваной,
Но любовь иногда удается вернуть
 без обмана,
Но глаза привыкают к размытым теням
 после света...
Как хотя бы на сотую долю понять
 мне все это?

Бестолковые слезы и глупый восторг...
 В самом деле,
Продырявит когда-нибудь хрупкий росток
 снег в апреле?

ПРИДЕТ ЧЕРЕД

Сегодня Зиму стаскивали с крыш
Большие руки мартовского солнца.
Цвет рукавов засученных был рыж
И золотист, как грива у бесенка.

Зима цеплялась за сырой карниз,
За телемачт непрочные ходули
И, растопырив, свешивала вниз
Босые ножки худеньких сосуллек.

Держалась крепко:
 шифера кусок
Был вырван, как лоскут рубахи в драке...
А по стволу березы лился сок
Из всех порезов и из каждой ранки.

.....

Придет черед, когда и нас сведут
в сторонку и оставят не при деле.
И будет мартом уголек задут,
Что согревал в февральские метели.

Придет черед...
 Ну, а пока Весне
Мы радуемся молодо и жадно.
И снег сгребаем, старый серый снег
В канавы...
 И не грустно.
 И не жалко.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

Две вороны бродили по мерзлой земле,
Озирались вокруг озабоченно.
Прелым снегом несло с почерневших полей,
Все ломалось, все было непрочно.

На проталинах, там, где подсохла трава,
Начиналась возня и морока.
А у старых ворон кругом шла голова,
Как у школьников, сбежавших с урока.

В серых платяцах,
в фартучках черных, как чад,
Где-то бросив пеналы и книжки,
Удивлялись, какой-то стишок бормоча,
Угловатые, словно мальчишки.

Этот солнечный день будто выдался для
Двух ворон, очарованных мартом.
Все казалось им:
строгие учителя
Их найдут и усадят за парты.

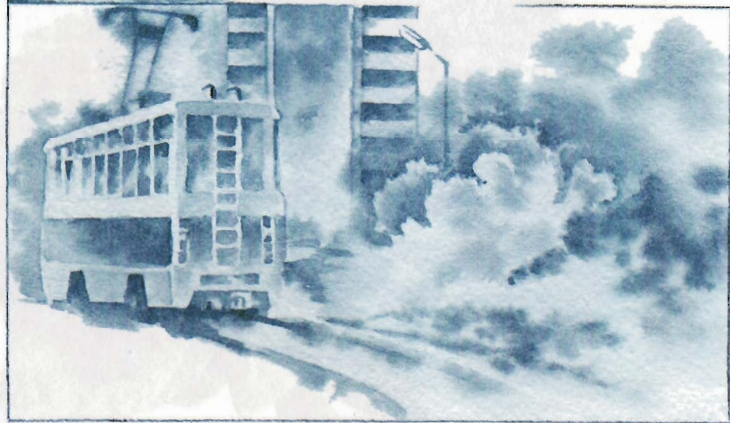
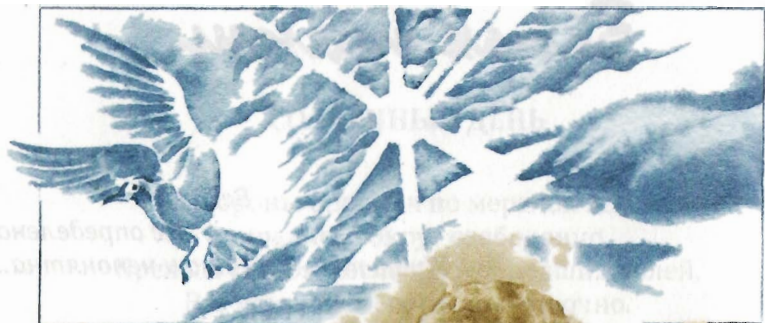
Запах пальми

Весна.

Все определено.

Лишь ты – грустна и непонятна...

МИЛОЙ ЖЕНЩИНЕ

На мерзлой ветке снегири,
В простуде горлышками хлюпнув,
Тугими дудочками клювов
Насвистывали изнутри.

И этот простенький куплет
Был не корысти ради начат.
И хлеб крошил в кормушку мальчик
Двенадцати неполных лет.

А снегири?

А снегири
Простуженными голосами
В ветвях рябины повисали,
Благословляя декабри...

Весь день – минуты лишней нет –
Трезвонят снегири тревожно
И, коль спугнуть неосторожно,
Бросают ягоды на снег.

А мальчик за окном притих:
Шуршат часы, снуют минутки...
На ало вспененные грудки
Он зачарованно глядит.

Бронхит, горчичники...
Забыл,
Что ночью выплакался в кашле, –
Он кормит снегирей...

Вот так же
И я тебя с руки кормил.

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Ты появлялась, как чудо,
внезапно,
Как колдовская сила.
Свежий, полынный,
дурманящий запах
В комнаты заносила.

Вихрем – по шторам,
по мне – краем глаза
Вскользь едва проводила.
И за спиною крестообразно
Руки свои сводила.

Я уже верил: так будет вечно,
Мне не расстаться с ними.
Но крыльями крест
расходился заплечный,
Крыльями не моими.

И исчезал без надежды на завтра
В бездну сумерек заоконных...

Только полыни дурманящий запах
Не выветривался из комнат.

ЗАМКА ХОЗЯЙКА

Кажется мне – я пропал, я попался,
Я погибаю и руки сложил.
Жадно и бережно нежные пальцы
Начали сердце мое потрошить.

Зámка хозяйка – колдунья и фея –
Зелье готовить взялась на крови.
Капает в склянку из вен, багровея,
Теплый и сладкий напиток любви.

Как-то разбужен я был утром рано:
Зámка хозяйка меня растрясла,
Сердце вернула в порезах и ранах,
Швы наложила и с этим ушла.

Я изнемог от борьбы. Я слабею
С каждой минутой все больше. И вот
Сам уже кожу надрезал себе я,
Сердце достал, – пусть приходит и рвет.

Кажется мне, будто заперт я в клетке,
Будто под камнем тяжелым лежу.
Нет ее долго – крушу табуретки.
Ну а приходит – от страха дрожу.

Нет, я не выдержу ласковой пытки,
Замок примусь и хозяйку громить!..

Ну а пока колдовские напитки
Пью я из собственной теплой крови.

ОЖИДАНИЕ ПОЧТЫ

Утро.

Листьев спросонья шелест.
Дождь, струящийся под уклон.
Оттиск шлепанцев детских через
Лужиц вогнутое стекло.

Полдень.

Проблеск лучей сквозь драный
Облаков дождевых мешок.
Синий неба лоскут...
Не рано ль
Солнцу радоваться еще?

Вечер.

Всхлипы тусклого света.
В звездных бликах ультрамарин.
Солнце за горизонтом где-то
Будет прятаться до зари...

«Ждали зря!» –

Последняя фраза.
То ли жалуясь, то ль дразня...

Две недели прошло напрасно.

Пусто.

Ни одного письма.

ОДИНОЧЕСТВО

По белой бумаге январского снега –
Мельканье шагов, как две строчки не в рифму.
Но все же, подвластны единому ритму,
Минуют квартал,
 угол дома,
 аптека,

 Конец тротуара,
 подножка трамвая,
Потом – детский сад через шесть остановок,
Потом еще булочной запах. И снова –
Трамвайный вагон,
 светофор,
 мостовая.

Озноб и усталость накопятся за день,
До скрипа дверей на другие похожий.
...Как холодно.

Женщина прямо в прихожей
На стул,
 позабывши раздеться,
 осядет.

* * *

Не люблю обреченности машущих рук,
И перрон, ошалевший от стольких разлук,
И друзей провожающих прорванный круг,
 Поцелуй и плач во хмелю;

Тепловоз, задохнувшийся в долгом гудке,
 И платочки заплаканные в кулаке,
 И твои, немигающие вдалеке,
 Как чужие, глаза
 не люблю.

СТРАХ

В квартире тихо и темно,
Снаружи луч по шторе шарит.
Мы пьем, но старое вино
Нас не пьянит, а оглушает.

Крадется тень по потолку,
Сердечная слабеет мышца.
И только по движенью губ
Я вижу, как ты слов боишься.

Затихла на другом конце
Стола, что между нами втиснут,
С таким страданьем на лице,
С таким укором ненавистным!

И только первобытный страх
Зажжен над волосами нимбом.
И – как контакт в антимирах –
Дотронешься, – и ты погибла.

НЕОКОНЧЕННОЕ

Как свет в окне неуязвим!
Какая солнечная ясность.
И неба синего атласность,
И бархатистость трав под ним.

На ветках верб возня и треск –
Со звоном лопаются почки.
Ель – как купеческая дочка.
Дуб подбоченился, как крез.

Весна. Все определено...
Лишь ты грустна и непонятна:
То шепчешь о любви невнятно,
То смотришь холодно в окно.

СТРАХ

В квартире тихо и темно,
Снаружи луч по шторе шарит.
Мы пьем, но старое вино
Нас не пьянит, а оглушает.

Крадется тень по потолку,
Сердечная слабеет мышца.
И только по движенью губ
Я вижу, как ты слов боишься.

Затихла на другом конце
Стола, что между нами втиснут,
С таким страданьем на лице,
С таким укором ненавистным!

И только первобытный страх
Зажжен над волосами нимбом.
И – как контакт в антимирах –
Дотронешься, – и ты погибла.

НЕОКОНЧЕННОЕ

Как свет в окне неязвим!
Какая солнечная ясность.
И неба синего атласность,
И бархатистость трав под ним.

На ветках верб возня и треск –
Со звоном лопаются почки.
Ель – как купеческая дочка.
Дуб подбоченился, как крез.

Весна. Все определено...
Лишь ты грустна и непонятна:
То шепчешь о любви невнятно,
То смотришь холодно в окно.

У ЗЕРКАЛА

Женщина у зеркала – все замашки галочки:
Блестки, брошки, бусинки достает на свет.
Красота разложена в тюбики и баночки.
Женщина у зеркала – краски и мольберт.

Зеркало пред женщиной – терпеливей зрителя,
Вдумчивей наставника, яростней врага
Не ищите попусту, красоты ценители.
Зеркало пред женщиной – лесть и батога.

Женщина и зеркало – заклинатель с коброю,
Взгляды пронизательны: мир или война?
Разгадать немислимо, из двоих которая
Заклинатель – женщина
или не она.

* * *

Сбиты простыни и смяты,
Как заигранные карты.
Под столом – черновики.

Ночь со мной, как с кровным братом,
Стул взяла и села рядом
Неподвижно у руки.

На меня взглянув печально,
Ночь сочувственно молчала.
Тарахтел сверчок ночной.

Было зябко. Было сладко.
Чудилось, что ты тетрадка,
Не заполненная мной.

ТАТЬЯНЕ

14 февраля 2003 года

В праздничный День Валентина
в снежном сибирском краю
красная рдеет калина,
красит **Татьяну** мою.

Белых соцветий корзина,
несколько искренних слов
Тане от мужа и сына,
Яне от двух мужиков.

И без позерства и лени,
потрясены до основ,
мы, преклоняя колени,
дарим Вам нашу любовь.

ТАНЯ, ТАНИЮШКА, ТАТЬЯНА

В русском селе *Двоеглазово*
в самом конце февраля,
милостью божьей помазана,
криком родню веселя,

не наживая приданого,
в ночь, когда вьюга мела,
дочку *Раиса Романова*
прямо в избе родила.

Плотник *Калина Сергеевич*
на небо не уповал
и заводную, как веничек,
дочку *Танюшкой* назвал.

Что на роду ей написано?
Встречи, заботы, дела...
Первой в селе будет признана,
но упорхнет из села.

Будет дороги наматывать
проводником в поездах
и лесопилкой командовать
в неотдаленных местах.

Тонкая, будто бы веточка,
будет стоять у станка...
Правда, ничем эта девочка
не знаменита пока.

В ней – то эмоций кипение,
то вдохновения ўскра...
Боже, пошли ей терпение,
только немедля и быстро.

Вечно украшена шишками,
мчалась на вѣлике ты,
и на заборе с мальчишками
платье рвала в лоскуты.

Лучший была пионер ты,
чистой, как песни славян,
и выездные концерты
в клубах вела под баян.

В дружбе, в учебе и в спорте
быть заводилой – твоѐ.
Лучше с **Танюхой** не спорьте,
крепче любите её.

Сделать хватало силенок,
что не успеть и втроем...
Во всесоюзный «Орленок»
Таню направил район.

К морю рвалась и дрожала,
Тѳнкино больше любя.
Но ни Анжелы, ни Жанны
там не затмили тебя.

Добрый, как хлеба буханка,
дома отцовского плен...
Но нагадала цыганка
ждать от судьбы перемен.

Как ты решилась мгновенно
круто судьбу повернуть?
И, чтоб вернее, коленом
лихо её подтолкнуть.

Взгляд озорной и осанка,
гордая поступь и стать.
Будто и впрямь горьковчанка
Киров пришла покорять.

В чем твое было призвание –
музыка, хор или цех?
танцы или рисование?.. –
Таня пошла в политех.

Раем учеба и адом
станет – и пламя и лед.
Мучить себя сопроматом
будешь ты ночь напролет.

Лекции и рефераты,
сессий тревожный синдром...
И удивишься, когда ты
первый получишь диплом.

Поторопились чинуши
выслать тебя в Мураши.
Крепкий характер был нужен,
чтоб не сломаться в глуши.

Дьявол иль Бог, помоги ей
выжить средь зла и братвы!..
Лбы пробивая тугие,
Таня дошла до Москвы.

Летопись трудных решений, –
не пожеланий благих.
Так ты попала в *Сошэни*
мастером мехмастерских.

Как тебе было вначале
сложно свой путь обрести.
Трудности не огорчали,
а помогали расти.

Много случайных прохожих,
мрачных людей и лихих...
Все-таки больше хороших
встретила ты, чем плохих.

В час, когда злые и резвые
первые вьюги мели,
будто амуры нетрезвые
нас ненароком свели.

В мир твой ворвался со стулом
я – не любимый пока.
Как ты беспечно взглянула
и навсегда пристегнула
к жизни своей паренька!

Блока читал, не закусывал
этот смешной призывник.
Ты лейтенанта безусого
обезоружила вмиг.

Как ты нечаянно, *Таня*,
новый открыла талант:
взят на перевоспитание
бывший старшóй лейтенант.

Древней окутанный тайной
мир непонятен и прост.
Сколько тот юноша, **Таня**,
бегал к тебе на свидания,
пять или тысячу верст?

Через разлуки и встречи
как-то легко и всерьез
сгреб свою **Таню** за плечи
и в неизвестность увёз.

Стоя в летящем вагоне,
ты улыбалась ветрам,
кланялась, будто иконе,
рёкам, лесам и горам.

Хмурым сибирским просторам
кланялась ты заодно...
Стать неизбежно которым
нашей судьбой суждено.

Крест свой по жизни тащила
ты, закусив удила.
Мужа всем сердцем любила,
сына и дочь родила.

Были победы и беды
столько, что не перечеть.
Как завещали нам деды,
дом берегла свой и честь.

По гороскопу – собака –
в меру строга и нежна.
Ярче небесного знака
светишь ты – мать и жена.

Мыслей лихих хороводы,
слов лучезарный родник
черпаешь ты не из книг, –
острый твой ум от природы.

Жарких страстей перемены
было узнать нам дано,
чтобы в горячие вены
лить охлажденным вино.

Что нам лихие пророчества!
Нам от судьбы не устать.
И не грозит одиночеством
крепкая наша кровать.

К Богу явлюсь я без ужаса,
ибо не крал и не лгал.
Я только цепи супружества
Тане нести помогал.

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

11 октября 2006 года

Как дни бегут легко и плавно.
Судьба капризна, но права...
Как будто встретились недавно,
А миновало двадцать два.

И с той поры, как на свиданье,
домой я с радостью спешу.
Ты мне дана судьбою, *Таня*.
Тобой, как воздухом, дышу.

Заветного не знаю слова,
Но после сутолоки дня
Любого, злого и не злого,
Ты терпеливо ждешь меня.

Любовью трепетной согрета,
Ты – красота и жаль моя!
Всегда с рассвета до рассвета
Нас нет отдельно. Мы – семья.

Дарю тебе дела и песни –
Подруге, матери, жене.
На свете всех чудес чудесней
Наш дом и теплый свет в окне.

И много нас еще с тобою
Ночей и дней счастливых ждет.
Все, что начертано судьбою,
Пусть наяву произойдет!

Лишь об одном молю я бога,
Хоть и сказать не смею вслух,
Чтобы не кончилась дорога,
Чтобы захватывало дух.

Вдвоем с тобой душой и телом
Бесценный этот дар нести.
Чтоб стать навек единым целым,
Чтоб в наших внуках прорасти.

ПРИЗНАНИЕ

27 февраля 2008 года

Родная, десять тысяч дней
Плечо к плечу, на камень – камень
Мы строим дом, что нам родней, –
Своими созданный руками, –
Любых дворцов под облаками...

Пусть жизнь терниста и сложна...
Но я в философы не лезу.
Ах, как ты прямо до зарезу
Попозже, молодость, нужна.

Чтоб были путь и поступь легче,
В дороге дальней – скромный быт.
Дорога хоть и бьет, а – лечит,
И старит нас, а – молодит.

Не потому ли постоянно
Судьба в дорогу нас звала...
В семнадцать лет и ты, *Татьяна*,
Шагнула в мир за край села.

Мы все – почти что поголовно –
Оттуда люди, от земли,
Но дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели.

Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед...
Шабалиных род так же древен,
Как, скажем, **Шадриных** – наш род.

В тебе замес особой глины,–
Река **Уста** и **Вятский** край,
Нижегородская **Калина**
И призрачный Бахчисарай.

Каким чутьем ты угадала
Родство сибирских тех берез.
И из **Романовой** вдруг стала
Бернадской просто и всерьез.

Твоя любовь сильнее мороза,
Надежнее Саянских гор.
Татьяна, как легко и просто
С тобой хоть – в пляс, хоть – под топор.

Взгляд озорной, легка походка,
Во всем решимость – хоть с моста.
Не просто женщина – находка, –
И стан, и ум, и красота.

И редкий дар твой – верить людям,
Но лишь до первого вранья.
И делать праздники из буден
Не устает душа твоя...

Жизнь не была для нас парадом,
Бросала в угол из угла.
Но ты своим теплом и взглядом
Нас от напастей берегла.

Нет, ты не делала карьеры, –
Была семье своей верна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.

И жизнь тебя не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано нам было
В дорогу – света и тепла.

И весен в дружном развороте,
Ручьев и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы сосновой на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Семейных радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

Нелегкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детской кроваткой
У голой лепится стены.

Мы память бережно храним,
Слегка грустим, что годы мчатся.
И нам не верится самим,
Что мы могли не повстречаться.

Февраль в исходе – бокогрей.
Снег в свете фонарей искрится.
Давай обнимемся скорей
Еще хотя бы лет на тридцать.

Забот с тобой разделим груз,
Любимые цветы и книги,
Борща наваристого вкус
С кислинкою ржаной ковриги.

У бога дней не так уж много
Но стану ль попусту скорбеть,
Когда – не вся еще дорога,
И есть что видеть, есть что петь.

И нам порукой обоюдной
Любая скрашена страда:
Еще и впредь нам будет трудно,
Но чтоб отдельно – никогда!

ВЕСНА НА ТАЙМЫРЕ

2010 г.

Успехами на северáх я горд.
И много предстоит ещё свершить.
Дудúnка¹ – заполярный русский порт, –
Романтика, когда бы здесь не жить.

Глухая восемь месяцев зима.
Снегами человек в осаду взят.
Пурга заносит под карниз дома.
Ночь без конца. Мороз под шестьдесят.

Здесь городской прикид мой не впопад.
Лишь маскхалат по ветру парусит.
Весною вдохновленный куропат
Здравши хвост, по тундре колесит.

Как чуда ждем день ото дня, вот-вот,
Лишь только воды двинет Енисей,
Таймыр² бескрайний сразу оживет
Многоголосым гоготом гусей.

Здесь ослепляет снег, а не неон.
Издалека страна приветы шлет.
Не сочи, а загар на миллион, –
По кругу солнце сутки напролет.

Фанерный стол, походная кровать.
Здесь, согласись, не к месту «Ив Роше».
Здесь нет резона «гнать пургу» и врать.
Мне этот край пришелся по душе.

¹ Дудúnка – самый северный российский порт в низовьях Енисея (69°30' сев. широты), с 1951 г. центр Таймырского (Долгано-Ненецкого) АО.

² Таймыр – полуостров между Енисейским заливом Карского моря и Хатангским зал. Моря Лаптевых (охотничий стан на р. Агапа, 71°30' сев. широты).

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

25 лет вместе

На тебя как впервые, родная, взгляну, –
Непонятную черпаю силу.
Кабы знать мне молитву хотя бы одну.
...Сохрани нас Господь и помилуй.

Я не стал бы просить многих лет без забот...
От тебя б не услышать укора
В день, когда нам пора расставаться придет...
Пусть – не скоро... Надеюсь – не скоро...

Ты – мой воздух, ты – мой негасимый огонь.
Ты в неделе моей – воскресенье.
Ты судьбою впечатана прямо в ладонь
Бестолковому парню с рожденья.

Ты – мой хлеб. Ты мое настоящее Я.
Ты с годами прекраснее стала.
Ты цветок мой, и счастье, и правда моя.
Я хочу, чтобы ты это знала.

На годá наши с легкостью нежной взгляни.
Пусть сердца наши бьются как прежде.
Ты помилуй нас, Господи, и сохрани
Наши души, любовь и надежды.

Мы бедуем с тобою уже двадцать пять.
Впереди – еще край непочатый.
Дай же, Господи, столько же нам устоять
И рассказывать сказки внучатам.

Не осыплется желтой осенней листвой
Наша молодость – в детях продлится.
Но хоть изредка детское пусть озорство
Озарит наши взрослые лица.

Нам осмыслить бы заново все и понять.
Обрести новый смысл в этом мире,
Вдруг узнав, что получится вовсе не пять,
Два умножив на два, а четыре.

Свой недолгий продлим хоть на чуточку век
В чередке путешествий и странствий.
Чтоб мгновенья, как в детстве, замедлили бег.
Новый день, что готовишь нам?
Здравствуй!

Нет, не кончится молодость наша, пока
Мы готовы смешить и смеяться.
Ты как прежде наивна, светла и легка.
Чтобы снова всему удивляться.

Дай нам Бог искушения все превозмочь.
С каждым годом все более рьяно
Я молюсь, чтобы были мудрей сын и дочь
И пречистая дева *Татьяна*.

Вы бессонно ведете невидимый бой.
Вы – три ангела. Вы – три печали.
Заслоня меня от напасти любой,
За моими стоите плечами.

Дай нам, Господи, силы с пути не свернуть,
Не отчаяться поодиночке.
И друг друга по глупости не обмануть.
И не в тягость быть сыну и дочке.

Наши души, возможно, бессмертны.

Как знать.

Путь неведом души неуемной.

Нам с тобой, что бы ни было, вместе шагать

К горизонту и за окоемом.

И до самой последней незримой черты,

Все, что мать моя не дочитала

В моем сердце, прочтешь ты с начала.

Ты одна – для меня.

Только ты.

За други своя

Где там место мое за походным столом?
Вы меня разбудите, друзья, после жизни.

ДРУЗЬЯМ

Март 2007 г.

Разбудите меня после жизни, друзья,
Через тысячу сроков и трасс разбудите,
Нараспашку душа – перед вами весь я.
Где бы ни был, меня непременно найдите.

Может, вам вдруг захочется чарку со мной
Пригубить, только чарка с друзьями – не доза...
Зачерпнуть родниковой водицы хмельной,
Горсть калины сорвать, горьковатой с мороза.

И не буду рубаху я рвать на груди,
Хватит нам на ватагу и солнца и неба.
Мне б дойти до истоков сибирской Бердѹ,
Забрести в глухомань, ту, где я еще не был.

Черствый хлеб с уважением к предкам жую,
Иль горланю без голоса пьяные песни,
Пробираюсь в сугробах по пояс к жилью...
Но душа почему-то опять не на месте.

Разбудите, друзья, после жизни меня.
Что-то дым от костра мне глаза затуманил...
Мне б еще обуздать вороного коня,
От грехов и соблазнов очиститься в бане.

Закадычные верные дру́ги мои,
Окаянные циники и фантазеры,
Для чего каждый день вы ведете бои,
Пробиваете стены, ломаете горы?

И такая все это, поверь, ерунда!
Надевай-ка тулуп свой и валенки, брátка,
Чтоб на зимней рыбалке да из-подо льда
Потягать окуней нам до ста и обратно.

Что нам штиль океанский, приливы, шторма,
Что Америка нам, что нам берег турецкий.
Нам построить бы рядом с рекою дома
И детей научить жить всегда по-соседски.

Но не все еще пройдены мной рубежи,
И душа еще ждет новых встреч и открытий.
Если сердце болит, значит, я еще жив.
Вы меня после жизни, друзья, разбудите.

Как в апреле токуют в бору глухари!
И неважно, какая сменилась эпоха...
Мне запомнить бы, мне бы дожждаться зари,
И Татьяну любить до последнего вздоха.

Мне бы землю увидеть со снежных вершин
И понять, почему снова тянет вас в горы,
Каторжане цехов и литейных машин,
Человеческих судеб и душ дирижеры.

Бесшабашные рыцари рыночных битв,
Пер и я непреклонно вперед, как бульдозер,
И меня от предчувствий дурных не знобит,
И колени не гнутся при скрытой угрозе.

Никогда я не прятал обрез под полой,
И кусок пожирней не цеплял я на вилку.
Не притих я с годами, как мышь под метлой,
Но и моду не взял стгоряча лезть в бутылку.

Сколько птиц и зверья я в азарте сгубил...
Жизнь одна, но приходят задуматься сроки.
Пусть поспорит со мной тот, кто доски со стройки
Никогда ни таскал
и казенного спирта не пил...

Относитесь при жизни друг к другу с теплом.
Звать не надо любого из нас – только свистни.
Где там место мое за походным столом?
Вы меня разбудите, друзья, после жизни.

ЗА ДРУГИ СВОЯ

20 лет МАРП, 2009 г.

Для нас этот праздник случился не вдруг, –
Четыре лихих **пятилетки** мы вместе.
Спасибо, что МАРП нас собрал, добрый друг,
Что нам поднесут грамм хотя бы по двести.

Не знали мы моды – стоять в стороне.
Был каждый Хозяином, а не завхозом,
Пусть даже не каждое утро тверёзым,
Но крепко держался всегда на коне.

Был каждый бугром, а не бритым братком.
В беде и напасти любой – сильный духом.
И пил полстакана единым глотком,
Едва закусив с рукава хлебным нюхом.

Ты помнишь, товарищ, конечно, о том,
Как **Женов** беседовал с каждым, как с братом,
То с шутками, ну а случалось – и матом.
И мы не плошали – валили гуртом.

Директор – не прихоть души, не призванье,
Не крест, не наследство, не блажь, а – судьба,
С собою извечное соревнованье,
С тупой неизбежностью злая борьба.

Характер и стойкость команды и духа.
Масштабность решений, задач и идей.
И энтузиазм, даже если – непруха,
Зажечь оптимизмом уставших людей.

Директор берет за все самый первый
Несет персонально за дело ответ.
Хватило бы нам пониманья и веры.
Не шутка – бок о бок идем **20 лет!**

И мы, согласись, возвращаясь к истокам,
Надежнее **МАРПа** не видим осей.
Здесь стал ты счастливым, матерым и стойким,
Товарищ наш, **Елезов Алексей**.

По жизни проходим мы не стороною.
Не мил втихаря нам кусок без хлопот.
Но знаем горбом и рабочей спиною
Соленый ее и заслуженный пот.

И горьких забот, и церковного звона,
Лихих поворотов, ударов меж глаз.
И братина с дымным крутым самогоном
По кругу с друзьями ходила не раз.

И дым заводской в волосах и печенке...
В дорóгинском кто угадал бы мальчонке
Закваску рабочую, точный расчет.
Ну как, **Масалóв**, повоюем еще?

Идем **20 лет**, не меняя маршрута,
Порой презирая покой и уют.
И если кому-то покажется круто, –
От нас не уходят, от нас отстают.

Не раз доводилось вставать нам на грабли.
Но есть у директора редкостный дар:
Дал слово – не важно,
 пусть прав ты, не прав ли –
С улыбкой держать и ответ и удар.

Мы движимы искренней ревностью к делу.
Нам дорог заводов и Родины дым.
Но даже до боли устав, до предела, –
Друг другу упасть никогда не дадим.

Мне дорого сердцу содружество наше.
И вижу порой, опускаясь без сил:
Стоят от «**Синара**» и до «**Сиблитмаша**»
Ботинки, что дочиста в **МАРПе** сносил.

Нет хуже греха, чем уныние духа.
Невзгоды проходят, – реви – не реви.
И зреет во фляге уже медовуха,
Набравшая крепость на нашей крови.

Святее нет уз – по душе породниться.
Команду вокруг пустяка не создать.
Пусть локти от злости грызет заграница,
Что не собираемся мы умирать.

Дай Бог укрепиться нам искренней верой.
Товарищу в бурю помочь устоять.
Пусть каждый ответит тебе той же мерой
И слово замолвит – за дру́ги своя.

Большие дела второпях не вершатся.
И Бог не по силам креста не дает.
Всему, что задумали мы – продолжаться.
Как прежде,
команда и время – вперед!

**ТОВАРИЦУ ЕЛЕЗОВУ,
человеку и самолету**

30.04.1996 г.

Когда он входил, про себя матерясь,
В притихшие стены «Союза швейников»,
Он и не думал, что в этот раз
Прихвачен директорским насмерть ошейником.

Закваска была самолетостроителей –
Крутая, как взлет вертикальный на «СУ».
И стал «штурмовик» в этой бабьей обители
Для взлетов иных трамбовать полосу.

Лекáла, шлúцьк, подбортý, отвороты
До тонкости пóтом постиг и нутром.
И строил костюмы он, как самолеты,
И так же в цеху засыпал лишь к утру.

Потóм разворачивался и входил в раж:
«110 процентов!» — министру рапорт.
Брал только проверенных в свой экипаж,
А лоботрясов — без парашютов за борт.

Зверел поначалу — работниц тыща,
Шутка ли — к каждой найти подход:
Где взять за живое, а где — кнутищем.
Попробуйте, суньтесь — кому охота!

В жилах — горячая кровь, не водица:
Любить — так до боли, рубить — с плеча.
Действительно, надо мужиком родиться,
Чтоб вкалывать так и днем, и по ночам.

Он — нарасхват в сентябре или в марте,
Видимо, в принципе членство любя,
Многажды член — в профсоюзе и в МАРПе.
...Не мальчик уже — поберег бы себя.

С трудом управляясь с мужским началом, —
И в драку, и в пляс, и на крест вяжите.
Его б даже в принципе не огорчало
Одним человечьим бы жить общежитьем.

50 — это веха. Сквозь годы мчась,
Хочу пожелать Вам, товарищ Елезов,
Чтоб все, кто рядом с Вами сейчас,
И через полвека на юбилей слетелись.

АНАТОЛИЮ МАСАЛОВУ

09.05.1998 г.

Весенним вечером, дела забросив напрочь,
Слегка в подпитии, за дружеским столом,
Позвольте называть Вас, **Анатолий Карпыч**,
Не по-семейному – директор **Масалов**.

Что сорок пять – рубеж, парад, года иль миги?
Важней всего для нас – не громкие слова,
А что не прятал никогда в кармане фиги,
Был мужиком всегда виновник торжества.

Не падал духом этот оптимист отпетый,
В работе – зверь и на гулянке входит в раж...
И угадал же он родиться в День Победы,
И как решил потом прийти на «**Сиблитмаш**».

Он начинал свой путь в цехах, считай, мальчонкой,
Стал понимать язык металла и людей.
Родной завод уже у **Карпыча** в печенках,
Литейка в сердце, блеск в глазах, дым в бороде.

Без лишних слов позвольте, в том не видя корысть,
Хмельную чарку мимо рта не пронести
За этот, прямо скажем, несерьезный возраст,
За тяжкий труд и дело, что у нас в чести.

Не повредит ему шутейная огласка:
Во всех делах его – рабочая рука,
И в каждом замысле – крестьянская закваска,
Хозяйский глаз, расчет и сметка на века.

Слов маловато (да и из слов борща не сваришь),
Чтоб не по случаю, не наспех, а любя
За то, что есть у нас проверенный товарищ,
Поднимем, **Карпович**, по полной за тебя.

ПЕТРУ ДОБРЫНИНУ

13.07.2002 г.

Нашел Господь среди всех прочих
кто будет им уполномочен:
у врат Господних будет бодр
сын Якова **Добрынин Петр**.

Вначале смертных доставало,
что было святости в нем мало,
что был родней Петру стократ
хоккей, чем **ключ** от райских врат.

Талант Петра был очень ранний:
он **ключевой** водою знаний
себя изрядно поливал
и куролесить успевал.

Он в десять лет порой вечерней
искал на попу **приключений**.
В нем с ранних лет бурлила кровь
и к деде первая любовь.

В пятнадцать лет дошел до ручки –
Был Петя от вина в **отключке**.
Сегодня в зелье знает толк
и каждый **Вали** завиток.

Ключи от рая, и от кассы,
и от девятого «А» класса
Петру доверены судьбой
и Вaley – божию рабой.

Был крепок Петр-ключник верой,
что он у Валентины первый.
За это добрая жена
была всегда ему верна.

Петру отвесил полной мерой
Бог оплеух, добра и веры.
Он создал Еву из ребра,
а Валентину для Петра.

АНАТОЛИЮ МАСАЛОВУ

9 мая 2003 г.

На дереве генеалогии
Себя отыскивая в предках,
Уверен Масалов, что многие
Его черты – на этих ветках.

И малоросс – гуляка Довгань –
Чалдон, трудяга, острослов,
Крестьянский сын и князь немного,
И Карп усатый Масалов.

Мальчишкой вышел за порог
Искать свой жребий Анатолий.
Из всех заманчивых дорог
Он выбрал правильную – к Оле.

Хвалите, бабы, мужиков:
Ведь Масалов, коль Ольга хвалит,
Достанет месяц с облаков
И мусор подметет в запале.

Проси у Бога – не проси –
Для каждого своя награда...
Кому попало караси
На голову не будут падать.

Забуть Дорогино не в силах,
Ты, Карпыч, детством не клянись,
Цепляй навоз и лесть на вилы
И неуклонно двигай ввысь.

Тогда калмык иль эскимос
Узнает имя Масалова
На пачке крепких папирос,
Или по морде пса незлого...

И день за днем прожив полвека,
Измерив жизнь со всех углов,
Достоин званья Человека
И Друга Толя Масалов.

ВЛАДИМИРУ ЖЕНОВУ

10 сентября 2005 г.

Не повредит ему огласка, –
Пошел он в люди «от станка».
Есть в нем рабочая закваска,
Мужская крепкая рука.

Большой знаток бюджетных денег,
В лихой он втянут хоровод:
Банк, МАРП, работа –
 понедельник –
Суббота –
 лето –
 Новый год!

И, судьбы города решая,
А иногда – планеты всей,
Бесплатно Женов уважает
Животных, женщин и друзей.

И, даже трезвый совершенно,
От всей души – не просто так
Всех полюбить заставит Женов
Родной Муниципальный банк.

И, веки к вечеру смежая,
Лежит зубами к стенке он.

И вот, когда приходит сон,
Реально мэтра уважают
Минфин, студентки и ОМОН.

ВАСИЛИЮ СКОСЫРСКОМУ

8 октября 2007 г.

И людьми проверен, и временем,
Безотказен и незаменим...
Из **Скосырского** б делать кремни,
Гвозди, шпалы или ремни.

Светлый взгляд – как радуга по небу,
И незримая к сердцу нить.
Нет желанья сожрать кого-нибудь,
Нет мечты кого-то казнить.

И когда нам порой клинически
Изменяют чутье и такт,
Вы подергайте нас за ниточку,
Если делаем что не так.

И когда, как в «Квадрате Малевича»,
В темных сумерках спит страна,
Вы держитесь, **Василий Андреевич**,
Потому что без Вас – хана!

ВАДИМУ ФЕДОРОВУ

Май 2009 г.

Дела у нас не так уж плохи,
Ведь страхованье – не разбой...
Готовы мы «*блуждать в эпохе*»¹,
Вадим, в компании с тобой.

Твой юмор бьет по перепонкам.
Он нас бодрит, как скипидар.
Интеллигентным поросенком
Быть в наше время – редкий дар.

У олигархов свой обычай.
Но мы простим любую блажь.
Ты наш подарок, коль приспичит,
Потом задорого продашь.

Не тяготит тебя опала,
Хоть часто ты бываешь бит.
В подарок шмат живого сала
Прими...
Но только без обид!

¹ «Заблудились в эпохе» – в 2003 г. в Новосибирске Новая издательская книготорговая ассоциация выпустила книгу, главная идея которой – замена порочной и тупиковой экономической стратегии «свободной торговли» в России на протекционистскую. Группа авторов во главе с В.Л. Федоровым.

МИХАИЛУ КУЗЬМИНУ

22 ноября 2009

Годы, как кони, проносятся вскачь,
Каждый своей удивительной масти.
Каждый тебе предназначен для счастья.
По уходящим мгновеньям не плачь.

Ты получил вдохновенье сполна,
Чтобы решить непростую задачу,
Как обуздать и стреножить удачу,
Как на ходу осадить скакуна.

Двадцать лет в МАРПе – порядочный стаж.
Дружба мужская – не коврик в прихожей.
Стали чуть-чуть мы с годами похожи.
Каждый из нас хоть немного чуваш.

Как и Кузьмин, мы все рвемся вперед.
И за спиною не прятали кукиш.
За просто так нас, конечно, не купишь.
Правда, и больше никто не дает.

КАМЧАТКА

Петляет низко между гор Ми-8
Под куполом тяжелых облаков.
«Какого черта нас по свету носит?!»
Немой вопрос в глазах у мужиков.

И после приземления вертушки
Дождливый полдень – лучшая из доль.
Две лайки, дизель, баня, три избушки –
Рыбацкий лагерь наш на речке Коль.

Так все сошлось: азарт и голос предков,
Три добрых лодки, восемь рыбаков –
Два Виктора – и Осин, и Медведко,
Юнус Ислямов, Саша Башмаков.

Мы едем на Камчатку не за рыбой, –
Добыть трофей, увидеть океан.
Опять дымит Авачинская глыба, –
Нам шлет приветы старенький вулкан.

Ждет дома непочатый край работы,
Той, что не переделать и на треть...
Как бреют реку наши водометы!
Нет, правда, – любо-дорого смотреть.

Ловить чавычу – это не забава.
Махать устанет спиннингом рука.
Поклевка в день – твое святое право.
Поймать чавычу – счастье рыбака.

Все дело здесь в смекалке, а не в силе,
В удаче, а не в крепком кулаке.
Утер всем нос Веретено Василий
В наш первый день рыбалки на реке.

Каких богатств желать еще на свете.
Такой простор, что хочется запеть.
Встречают нас камчатские медведи,
Но с нами Громов – тот еще медведь.

Ты рыбаком становишься не сразу.
А кто проникся – мы одна семья.
Но золотых владельцы унитафов
Нас не поймут. И Бог им всем судья.

Я столько раз плутал по перепутью,
Легко впадал в бесхитростный обман.
Но только там мы дышим полной грудью,
Где вольный ветер и речной туман.

Любое горе станет в пола-горя,
Друг закадычный – ближе, чем родня.
Охотское неласковое море
Глазами нерпы смотрит на меня.

Здесь нет рационального начала.
И в этом наша сила. А пока
Наш теплоход отходит от причала,
Идем ловить камчатского ленка.

Вдали от шумных сборищ и начальства.
С икрой таз, да – сельтерской глоток.
Поем про Дальний, но родной Восток.
Что не хватает нам еще для счастья?

Наверное, другими мы не станем,
Хоть иногда в груди бывает сбой.
Мы все равны на кладбище и в бане.
Пусть каждый разберется сам с собой.

Не наш удел, амбары карауля,
Трястись за рубль, хоть кризис всех достал.
Ведь наш союз – не ржавая кастрюля,
А дружба – высшей прочности металл.

Из этой стали делают ракеты,
Турбины, или... – что бы ты хотел?
С тобою, друг, прошли мы полпланеты.
А за плечами – груз реальных дел.

Заслуженный горбом своим и кровью
Поднимем, друг, за день, что Богом дан,
Овеянный народной любовью
Граненый полновесный наш стакан.

•

ОХОТА В ГОРАХ АЛТАЯ

Октябрь 2009 г.

*Сергею Трапезникову
Баймурату Агыбаеву
Ермурату Баташурову
Владиславу Семенову*

Улыбками друзей нас Кош-Агач¹ встречает.
Недолгий дастархан. Нелегкий путь в горах.
И разговор ночной за ароматным чаем,
Набравшим вкус и цвет на травах и ветрах.

И где-то глубоко Аргут² шумит в ущелье.
Проходим перевал по спинам облаков.
С Алтайских гор Земли заметнее вращенье,
Понятнее чуть-чуть традиции веков.

Две с лишним тыщи верст в азарте отмахали.
Прошли десятки рек и деревень в снегах.
Огонь в печи и хлеб делили с пастухами.
Карабкались наверх до судорог в ногах.

Уходим в темноте со стойбища в надежде,
Что будут к нам добры седые духи гор.
Излишеств никаких ни в мыслях, ни в одежде.
Не дрогнула б рука, и не подвел затвор.

И на снегу костер мне долго будет сниться,
И звезды – как глаза непуганых зверей,
Проверенных друзей обветренные лица,
Что помогли мне стать немного, но добрей.

¹ Кош-Агач – поселок, Чуйская степь.

² Аргут – река, Северо-Чуйский хребет.

Мы вспомним, и не раз, как хариуса ели,
Купанье в ледяной стремительной реке,
Как проверяли нас алтайские метели,
Как в руки нам не шел рогатый «бог» текé¹.

Как посреди реки застрял на переправе
Трудяга наш УАЗ, и – помощи не жди.
Но ныть и раскисать, Серега, мы не вправе.
Пусть даже ты без сил, не можешь, но – иди!

Мы не по тем часам свою судьбу сверяли.
Есть что-то поважней богатств, как ни крути.
Наверное, в веках мы что-то потеряли
И среди этих скал пытаемся найти.

И не о чем жалеть, когда ты на вершине,
Пусть даже здесь буран, и снег лежит по грудь.
Глотками воздух пьем, как озеро большими.
И знаем: будем здесь еще когда-нибудь.

¹ *Текé* –сибирский горный козел (алтайск.).

ОДИН НА ОДИН

Май 2010 г.

На рассвете, хлебнув кипятку,
Собираюсь привычно в поход.
Осень. Хватит лежать на боку!
День от ночи уже отстаёт¹.

Взяв ружьишко да хлеба ломоть, –
Патронташ и тужурку надеть.
Хоть бы дождь не пошел, мне бы хоть
Издаля на зверьё поглядеть.

Мне б у предка сноровки занять,
Что сокрыта во мне испокон.
Не сблажить бы и не оплошать,
Ненароком нарушив закон.

Мудрость древних примет я постиг:
Коль вернёшься с охоты с гусём,
То сулит Артамон-Змеевик², –
Будет дальше удача во всём.

Но уже вереницы гусей
Потянули прощально на юг.
Бью челом немудрящей красе
В заповедном сибирском краю.

¹ *День от ночи отстаёт* – по народ. календарю после 23 сент. (день осеннего равноденствия).

² *Артамон-Змеевик* – по святым в день священномученика Артамона змеи перебираются на зимовку в норы; этот день 25 сент. особо почитается охотниками.

Древний опыт проснулся в крови,
Даль раздвинул и глаз прояснил.
За добычей меня позови
Той, что в чаше веками хранил.

Тайной силой меня напои
Той, что в знании, а не в свинце.
Азиатские скулы твои
На моем проступили лице.

Царь лесной, не таясь покажи
Хочешь – зайцев, а хочешь, - тетёрь...
Вдалеке мной непуганый зверь
Каждый шорох и звук сторожит.

Я неслышно бреду по воде,
Ускользя в другие миры.
Заблудившись в моей бороде,
Басовито гудят комары.

Где ползком, где поднявшись чуть-чуть
Сквозь ракит смутной тенью бегу.
Чтоб его второпях не спугнуть,
Замираю на каждом шагу.

Я дыхание ветра ловлю
И крадусь ниже скошенных трав.
А ведь я тебя, зверь, погублю,
Вдоволь в прятки с тобой поиграв.

Миг удачи поймать удалось:
Зверь в прицеле, душа на весу ...

Ничего не почуявший лось
Растворился неспешно в лесу.

Почему пожалел я его?
Взять добычу никто не мешал.
А несправедливый вопрос «кто – кого?»
Предок мой по-другому решал.

ПЬЯНАЯ АРИФМЕТИКА

2009 г.

Мой друг, беспечный «алик»,
Сказал, сощурясь хитро:
Вот рюмка – это шкалик, –
Две тридцать третьих литра.

Душа с похмелья ищет
Не хвойную припарку.
Два шкалика, дружище,
Составят ровно чарку.

По венам гонит волны
Бесхитростный подарок –
Казе́нной водки полный
Штоф – это десять чарок.

Порой, хлебая виски,
Так думал не один ты:
Приятно, что российский
Штоф больше, чем две пинты.

И у окна вагона
Я пил не только «кофа».
А четверть самогона –
Два с половиной штофа.

Милее заварухи
Нам заварганить брагу.
Сто чарок медовухи –
Ведро на всю ватагу.

Нас гонит вольный ветер
То в горы, то на БАМ...
А в бочке – сорок ведер.
Но нам – не по зубам.

ПОЭМЫ

Друзьям – на добро, а врагу – намять ребро.

Всяк Еремей про себя разумей.

Дорога в космос (Звездный час)

Фаэтон

(Пролог)

Сын Гелиоса, смертный Фаэтон
Бог весть какими тайными путями
(царапал грудь отчаянно ногтями,
иль преданно, как пес, вертел хвостом),

Но получил четверку золотых,
Впряженных в золотую колесницу
Таких красавцев, что и не приснится,
Огнем и буйной силой налитых

Коней.

Но где тот смертный, что не слеп,
Что в колеснице смог бы удержаться
И своего не упустил бы шанса
Сравняться с Богом в этом ремесле?

И, как стрела, проклявшая стрелка,
Неверных рук неточное движенье,
Приняв скорее смерть, чем униженье,
Промчался Фаэтон по облакам.

Восходит миф из древности веков.
Пылали злобой грозных судей лица.
Был сброшен в пропасть вместе с колесницей
Вступивший в спор с сильнейшим из Богов.

Да, мы слабы, бескрылы и слепы,
Когда в безумство Фаэтонов верим...
Но надо же кому-то сделать первым
Шаг к огненному богу из толпы!

- 1 -

Донос

«Я, Джованни ди Мочениго,
Сын сеньора и сам сеньор,
Не приучен жалеть чернила
Для доносов, дров – на костер.

Ошибиться порой нетрудно,
Но клянусь мудреностью книг,
Что философ Джордано Бруно
Богохульник и еретик!

Доношу по веленью совести
И для очищения души:
Этот Бруно со своей философией
Сворой демонов одержим!

Он хулил Святое Писание,
Насмехался, впадая в блуд,
Будто бы Христа прорицание
Сочинил мошенник и плут.

Осмеял Житие Святая,
Где из тлена Христос воскрес.
На Евангелии присягаю,
Что в Джордано вселился бес!

Вверх подъяв нечестивые руки,
Без раскаянья и стыда,
Небесам он показывал кукиш!..
Да приблизится час суда.

Против Библии, против веры
Проповедовал сей толмач.
Но ведь есть для таких галеры
И палач!

С нами Бог. Все святые с нами.
Так, с пристрастием или без,
Я прошу провести дознание.

*Мочениго»
(подпись и крест)*

- 2 -

В святой службе

Инквизитор, въевшись в донос,
Перечитывал каждое слово
И с Джованни держался сурово.
«Поздно лаять принялся, пес», -

Так подумал, а вслух сказал,
Будто вывернул вдруг карманы:
«Что же раньше сеньор Джованни
Не писал?

Иль на Бога ты уповал, –
Бог накажет, у Бога сила,
Или кто-то тебе чернила
Не давал?

Если добрый католик ты,
Почему же молчал полгода?»

На Джованни нашла икота
От приблизившейся беды.

Инквизитор с оттяжкой бил:
«Все ли рукописи смутьяна
Ты принес, ничего случайно
Не забыл?»

Мочениго, ни жив ни мертв,
Вжался в собственный жалкий профиль:
«Любопытство здесь пахнет кровью
И баландой словесный мед».

Подаваясь задом к двери,
Думал: «Только б отсюда выйти».
Крикнуть силился: «Не губите!»
Крик разламывался в груди.

Вырос страх над ним в полный рост
И ознобом прошел по коже.
И, гнусава, «храбрый» вельможа
Сочинил вторично донос.

Арест

В дверь ломились, как черти в кабак.
Окна слезно заря искривавила.

- Отворите!
 - Какого дьявола?!
- Отворите!
 - Как бы не так!
- Именем церкви, да отворите же!
Эта дверь все равно не выдержит.

То ль от боли, то ль от тоски
Разлетелась дверь на куски.

Наседали, топчась по книгам,
Обнаглевшие шесть рапир...

Был доволен слугами сир
Рода древнего Мочениго:

«Этот Бруно – хороший куш
Для святых справедливых служб».

Первый допрос

Инквизитор:

«Сын мой, чтобы от дьявольских пут
Уберечь тебя, надобна верность.
Ибо ложь перед Господом – ересь,
А правдивость – к спасению путь.

На Евангелии поклянись
Говорить только чистую правду.
Жизнь свою мне поведай, как брату,
Как с отцом, со мной поделись».

Джордано Бруно:

«Я буду правду говорить.
Мне много раз грозили пыткой,
Но – истины поклонник пылкий –
Я буду правду говорить.

Мне с плотью дух не примирить.
Хоть трибунал Святейшей службы
Имеет опытные уши,
Я буду правду говорить.

Не знаю, выйдем ли «как брату»
(крепка тюремная ограда),
Но попытаюсь рассказать...

Дворянкою считалась мать,

Но нам жилось частенько туго.
В походах пропадал отец.
Надел земли, пять-шесть овец,
Да ветхий домик, да подпруга,

Да кредиторы без конца.
Смахнув слезу, как хворь с лица,
Вздыхала матушка украдкой.
Хоть приходилось ей несладко,

Меня в ученье отдала.
И я глотал, как макароны,
Тома профессоров мудреных.
И в гору шли мои дела.

Селенье в несколько домишек
Средь виноградников и вишен
 Лежало сонно под горой
 Чикалой. И родней родного
В полмиле – славный город Нола
 Клубился, как пчелиный рой.

В прохладных буковых дубравах,
В душистых шелковистых травах
 Купалась Родина моя.
 И в аромате розмарина
Мне чудился напев старинной
 И вечной песни бытия.

Все жадно впитывала память:
В страстной четверг – пустую паперть,
 Осла, прославившего хлеб,
 Греховный вырез куртизанки
И горькие слова крестьянки:
 «Нам нелегко дается хлеб...»

Я рано начал сомневаться
В том, что для доброго ноланца
 Сомнению не подлежит.
Я грешен, каюсь, тем, что слепо
 Из Библии не делал sklepa
Для жадной к знаниям души.

Я был настойчив и усерден,
К тому ж на редкость непоседлив.
 И вот, четырнадцати лет,
Чтоб воспитать от скверны шоры,
В Неаполь, в монастырь Маджоре
Был бранный мой направлен след.

Здесь я из кельи тесной вынес
 Не только ветхий катехизис

Или философов тома.
Здесь в назидательном соседстве
Существовала – знаний сердце –
Библиотека. И сама
От инквизиции тюрьма.

Уже тогда я смутно думал,
Что случай выберет Фортуна
И к вам, святейшие отцы,
Меня за шиворот притащит.

Но все ж с азартом нарастающим
Я лез упорно в мудрецы.

Передо мной, как пред Парисом,
Плод золотой в ладони вызрел.
И три богини: в красоте
Не знала Афродита меры,
Богатство предвещала Гера,
Афина – мудрость.
На кресте

Иисус распятый слово нянчил.
В его глазах вопрос маячил:
«Кому же яблоко вручить?»
Звала в объятья Афродита,
И Гера вынесла открыто
К богатству тайному ключи.

Но, зная истину не в спину,
В доспехах я избрал Афины
С ее суровой красотой.

Ведь несравненно больше значит
В борьбе за правду неудача,
Чем в мизерном успех пустой».

Второй допрос

Инквизитор:

«Брат Джордано, когда против вас
Возбуждали крамольное дело,
В монастырской тюрьме ди Каstellо
Берегли уголок про запас.

Вы погрязли в житейских грехах.
Даже исповедь вами забыта!»

*Был угрозой голос пропитан,
Той, рождает которую страх.
И, как будто занозы в заду,
Зло торчали вопросы монашья:*

Что о близости с женщиной скажет
Подсудимый Святому суду?

Джордано Бруно (внутренний монолог):

«Прегрешения плотских утех,
Совершенных вне таинства брака,
Мне не чужды. Но лучше, однако,
Заявить: близость с женщиной – грех.

Виртуозов интриг и облав,
Обличителей светских пороков,
Не пристало считать за пророков,
За аскетов от плотских забав.

На словах они – в сотне все сто –
Несгибаемые моралисты.

Ну а сами не прочь завалиться
С прихожанкой какой-нибудь в стог.

Учат: плотский чудовищен грех...
Уступить же священнику тело –
 Это богоугодное дело,
Словно душу молитвой согреть.

Дали волю блудливым рукам
И послушники, и кардиналы,
Не пугаясь Голгофы нимало,
С куртизанками по кабакам.

И почтенный епископ чудит,
Раздирая шелка паланкина...
 Инквизиторам эта картина
Кашлем в немощной станет груди.

И меня, без сомненья, тогда
Растрезвонят преступником веры.
И костру – ненасытному зверю –
Скормят тело мое без труда.

Неужели придется молчать,
Чтобы кара была несуровой,
Подражать их ослиному реву
И плебейский елей расточать?

Значит, голову надо пригнуть,
Взгляд смиренный к стопам обратив? Но
Мне притворство любое противно.
Чем холопствовать – лучше под кнут!

Восстает мой рассудок живой
Против фарса монахам в угоду...
Но выходит лишь тот на свободу
С гордо поднятой головой,

Для кого уготован костер...
Нет уж, рано Святейшая служба
В предвкушении крестится дружно
И органо́м смущает костел!

Я, в бессилии даже своем,
Позабавиться им не позволю –
Испытать меня страхом и болью,
И поджаривать пятки огнём.

В чем признаться, и что отрицать?
Надо каяться? – Что же, покаюсь.
И отречься? – Тогда отрекаюсь
От дешевой свободы глупца».

Джордано Бруно (вслух):

«Блаженны духом нищие,
Те толпы божьих слуг,
Чье назначенье высшее –
Сподобиться ослу.

Ученье бесполезно, и
Лишь только неуч мудр,
Коль царствие небесное
Обещано ему.

Всяк, знания умножающий,
Умножит и печаль.
Лишь в вере очищающей
Начало всех начал.

Чтоб к Господу приблизиться,
Ученость ни к чему.
В основах катехизиса
Начертан путь к нему.

Мир преисполнен таинства,
Неведомы пути.
Кто ж их понять пытается, –
Опасный еретик.

Бегите мыслей вдумчивых –
Гордыни в них паук.
Незнание – наилучшая
Из всех земных наук.

Держитесь воздержания
От книг – в них корень зла.
Пример для подражания –
невежество осла!»

.....

«Этот Бруно на руку нечист», –
Опытные судьи сомневались.
И слабел подследственный в подвале.
И воняло в камере от крыс.

Продолжался месяцами фарс.
Медлила монашеская клика.
И строчил доносы Мочениго.
И врывались с обыском не раз.

Все перевернули: сад и дом,
Выбили подушки наизнанку.
И огнем пытали итальянку,
Бруно угощавшую вином.

Все библиотеки потрясли
И нашли крамолу наконец-то:
Кропотливо изучали место
О движеньи в космосе Земли.

«Вот оно – злой ереси зерно!» –
Клерикал злорадно бесновался.
И подвал для пыток открывался.
И чахоткой маялся больной.

Но решила служба не спешить,
И вела продуманно допросы:
Ставились издалека вопросы...
И точились медленно ножи.

- 6 -

Последний допрос

Инквизитор:

Брат Джордано, знаний ваших холм
Для чего так высоко насыпан?» –
Инквизитор потянулся сыто
И, крестьясь, поправил балахон.

Джордано Бруно:

Философ сквозь кашель сказал: «Человек,
Усердный и пристальный в вере,
В молитвах, как в путях, не рвется наверх,
И слепнет, как пленник в пещере.

В глухих галереях царит полумрак.
Там люди в цепях и колодках
Прикованы лицами к стенам, да так,
Что не повернуть подбородка.

У них за спиной вереницы коней
Пронесются под понуканье.
Но пленники видят лишь пляску теней
На сером от времени камне.

Ни меда в кувшинах, ни вин в бурдюках,
Ни статуй, сработанных зодчим, –
Слезятся глаза, с напряженьем в зрачках
Нисколько не делаясь зорче.

Одни силуэты, лишь тени одни
Колышутся перед глазами:
Неясных костров неживые огни,
Лампады перед образами.

А если их даже выводят на свет,
Привыкших к пещерному мраку,
В молитвах пустых, надломивших хребет,
Они цепенеют от страха,

Глаза отделяют от солнца рукой,
На ощупь бредут, чуть не плача,
Но свято считают: слеп кто-то другой,
Они же достаточно зрячи.

...Весь опыт народов, всех знаний леса
Собрал я, чтоб узников вывести к свету.
А мне норовили в потемках за это
Башку разможжить или выбить глаза».

Инквизитор:

«В ваших книгах, вздорностью идей
Преступивших всякие границы,
Сказано – и вам не уклониться:
«...У Вселенной центра нет нигде...»

Дальше – больше: «Сущность бытия,
Форма и душа его едины».
Значит, нет над миром Господина,
Правящего именем своя?

Вот еще: «Земля – не сирота.
Во вселенной бесконечно часто
Новые миры должны встречаться,
Где свои народы, города,

Птицы, звери...» Но ведь Бог послал
Лишь на Землю человечье племя,
Трав и тварей он рассыпал семя,
Семя доброты и семя зла.

Как же вы осмелились занести
Руку на незаблемость Писанья?
Может быть, обрядом обрезанья
Вы на месяц поменяли крест?

Отрекись! – сорвался клерикал, –
От ошибок. Ты ведь ошибался?..»

Но вопрос монаха расшибался
Об упрямый взгляд еретика.

Он ещё молчал, но так молчит
Миг до извержения Везувий.
И ходили желваки у судей.
И об ножны резались мечи.

Был до слова целый миг ещё.
Но Джордано не боялся судей.
Что это – совсем он обезумел?
Иль в рассудок только что пришел?

Джордано Бруно:

«Жизнь одна, и я б ещё успел
Многое, сказав сейчас, что грешен.
Но, – сожжен я буду иль повешен, –
От своих не отрекаюсь дел.

Все, что в книгах я успел сказать, –
Истина, а не слепая ересь.
Не переступлю от страха через
Истину. Не поверну назад!

Долгий век, минута или день –
Ничего в сравнении с Вселенной.
Вечно быть субстанции нетленной.
Центр ее повсюду и нигде.

Бесконечность – вот её «размер».
Парасанги, стадии и пяди –
Лишь мгновенья. Только правды ради
Говорю. И здесь бессильна смерть!»

.....

«Ты с ума сошел! – шептала плоть. –
Ради всех святых, пока не поздно,
Кайся! Здесь ли становиться в позу?
Стоит лишь себя перебороть,

И Господь тебя убережет.
Отрекись, тебя ведь не убудет...»
Но взорвался дух: «Я не ублюдок!
Раз солгавший и в другой солжет.

Язва загнивает из прыща,
Хватит камня, чтоб сошла лавина.
Лжи и правды нет наполовину.
Я себя не стану укрощать!»

.....

Клал кресты священник: изыди!
Инквизитор был белее мела,
Но допрос заканчивал умело:
«С истинного сбились вы пути.

В состраданьи, с верою в Христа
Восстановим мы ваш облик кроткий».
И приказ последовал кроткий
От суда Святейшего:
Пытать.

- 7 -

В подвалах

Его пытали тяжело,
Вели через крюки и колья.
Ему внушали, что безволье
Под волею его жило.

И инквизиторский палач
По ребрам добавлял с оттяжкой.
И все совал к глазам бумажку
О покаянии толмач.

И клерикал в лицо дышал:
«Признай, что ты-де заблуждался».
Он несгибаем оставался,
Поломанные зубы сжав.

Его заставить не могли
Признать свое ученье ложным
И заявить, что мал ничтожно
Весь мир, кружась вокруг Земли.

Ему кричали: «Отрекись!»
Когда он мог уже едва ли
Их слышать. Но не уставали:
«Покайся, и получишь жизнь!»

Когда железом тело жгли,
Джордано, напрягая память,
От крови черными губами
Шептал: «Мир сказочно велик

И бесконечен. А Земля –
Лишь малая его крупинка...»

Плясала яростно дубинка,
Теперь уж замолчать веля.

Не день, не месяц и не пять,
А **восемьдесят** гнил на нарах
И кровью харкал от ударов,
Да так, как будто отхаркать

Все внутренности мог.

Ему

Внушали догмы церкви цепью.

А он своей поставил целью
Не чувствовать телесных мук.

И оказался дух сильней,
Чем плоть.

Но, римской церкви пленник,
Он получил на размышленье
Перед сожженьем сорок дней.

– 8 –

Перед казнью

Сорок дней и ночей.

Сорок бледных

И мучительно долгих свечей.

Сорок самых коротких, последних,

Как украденных... Но зачем?

Суд и столб – все давно готово –
Этим кончится долгий спор.
Бытие докажут Христово,
Чтоб доходчивей – через костер.

Джордано Бруно:

«Зря юродствовал и божился,
Зря хитрил, свободу любя.
Я ошибся... Как я ошибся!
И едва не предал себя.

Я ножом язык обессловлю.
Я заставлю себя молчать.
Чтоб на проповеди богословов
Покаяньем не отвечать.

Я не каюсь! Нет, я не каюсь.
Слов своих не беру назад.
От Вселенной не отрекаюсь
Бесконечной...

В ваших глазах –

Страх.

Как будто вам перед казнью
Предоставили сорок дней.
И не мне, а вам отречься
От догматов веры своей...

Я не каюсь. Все, что я сделал,
Было сделано из любви
К правде...

Можете жарить тело,
Жрать его и плясать в крови!

Только мысль не прижать коленкой,
Страхом смерти рот не закрыть...

Перешёптываются во Вселенной
Обитаемые миры».

На костре

Перед рассветом, как святой с иконы,
В окно тюрьмы старинной Тор ди Нона
Озябший месяц робко осветил
В последний раз, – видать, решил проститься, –
И Бруно попросил перекреститься.
Но Бруно камнем в месяц запустил.

За дверью палачи тюремной ржали,
Тряслись и только-только не рожали
От хохота. И было отчего:
На эшафоте ждал костер ноланца
Из книг его, – ну как тут не смеяться,
Указывая пальцем на него?

Солдат позвали и, сутуля спины,
На голову колпак из мешковины
Еретику напялили. Язык
В тиски зажали – пусть посовращает
Теперь своими дерзкими речами
Народ, пусть наглотается слезы!

Под небом, к итальянцам благосклонным,
Рим просыпался солнечно-зеленым,
Февраль еще не радовал таким.
И люд вставал, делами озабочен...

А к площади брели, как будто ночью,
Сто факельщиков, вжавшись в колпаки.

Сто дымных шлейфов, царственно-ленивых,
Раскинули медлительные гривы,
И плавали над площадью Цветов.
Монахи сонно панихиду пели,

И летописцы перьями скрипели,
И славили Святейший из судов.

И кардинал в батистовый платочек
Сморкался грозно – с каждым разом громче –
И предвкушал спектакль у костра.
Сырые ветки у костра ложили,
Как строили гнездо. И не спешили
Его построить. И росла гора

Из книг.

Недолго сиротливо жался
Столб к эшафоту, – суд не задержался,
Хотя и к покаянию склонял.
Джордано Бруно несогбенно прямо,
Прикованный к тому столбу цепями,
Приговоренный к вечности стоял.

«Покайся!» – клерикал не унимался.
И кардинал отчаянно плевался.
И медленно дымил костер сырой.

«Покайся!» – Крест совали к подбородку.
И криком

боль рвала
на части
глотку.

Но он молчал.

И факельщиков строй,

Топча себя, по площади метался.
А из кроваво-огненного танца
Два взгляда, две звезды рвались к сердцам,
И ужасали силою и болью,
И звали, звали к звездам за собою,
Рождаясь вновь в миг своего конца.

Везувия верблюжью шапку скомкав,
Склонил вершины гор своих высоких
Скорбящий мир над площадью Цветов.
Вселенная, озябнув в бесконечном,
К Земле струилась коридором Млечным
По спинам звездных и земных мостов.

И у того костра надежду грела,
Что час придет, – раздвинет разум время
И выйдет на космический простор,
Что, став на целый Космос выше ростом,
Припомнят люди, что дорога к Звездам
Шла через инквизиторский костер.

1983-85 г. г.
Юрья-Новосибирск

СЛОВО К ПОЭМЕ «Герои восьмого сентября»

*Чем глубже мы заглядываем в прошлое,
Тем лучше видим будущего свет.*

Эти слова из поэмы Юрия Бернадского «Герои восьмого сентября» заставляют остановиться и задуматься о событиях шестивековой давности, о которых, казалось бы, сказано и написано сотней авторов сотни книг.

И все же, а что мы знаем о решающей битве русских князей с тугенами Мамаея на Куликовом поле? Шутка ли сказать: «Сменилось тридцать с лишним поколений...».

*Чем жив был наш народ? – единым часом, –
С оглядкою, с нуждою в поводе.
И улыбался каждый раз с опасом,
Чтоб не накликачь новую беду.*

Беззаветная преданность своей земле помогала нашим дедам и прадедам выстоять и победить в неравном бою, строить деревни и города, вырастить детей и объединить разные народы в одну большую семью.

За шесть веков столько могучих завоевателей приходило на Русь.

И каждый раз, разоренная, черная от пожаров, Россия понималась с колен.

У каждого из нас корни – на Куликовом поле меж Доном и Непрядвой.

И не важно, кто мы по крови: «Зыряне, чудь, косогииль мордва».

Именно об этом слова Юрия Бернадского:

*Шел предок мой, неотличим от прочих
Сынов России в поднятой пыли.*

Нас объединяют древние дорогие сердцу традиции, богатый образный язык, протяжные, грустные песни и вросшие намертво в наши души заветы старины – непреходящие ценности. Наши предки верили в их силу. И, обменявшись нательными крестами перед боем, «крепили дух, помимо лат стальных».

*А если вдруг пожар – спасали что дороже –
Икону и детей, а уж потом добро.*

Веками копилась народная мудрость через большие страдания и стремления, ковался непобедимый российский дух через преодоление разобщенности, унижения и поражений.

Каждый образ в поэме о том, что герои – весь российский народ: славяне, татары, «югры, косоги, караимы, ясы». И золотом расшитый образ Христа Спасителя на русском знамени и дорог мне, и свят.

Поэма «Герои восьмого сентября» – это призыв быть достойными памяти наших предков. И поклониться Куликову полю.

Их подвиги мы в сердце сохраним.

*Министр общественных связей и информации
Новосибирской области
Андрей Филичев*

Герои
восьмого сентября

- 1 -

В «научном свисте» состязаться пошло,
Но сокровенный отыскать ответ...
Чем глубже мы заглядываем в прошлое,
Тем лучше видим будущего свет.

Тому назад шести веков побóле
Меж Доном и Непрядвой¹ все пути
Сошлись на бранном Куликовом поле,
Чтоб в наши судьбы намертво врасти.

Собравшись с силой, укрепившись верой,
Шел через Дон с молитвою вперед
На смертный бой в дорожной пыли серой
Российский сильный духом наш народ.

Сошлась на бой невиданная сила
(Героями потом их нарекут)...
И предок мой Иван (или Данила???)
Порубан был в Передовом полку.

¹ *Непрядва, Буйца, Смолка* – реки в верховье Дона (Тульская обл.).

В Ростове, Костроме, Твери и Пскове
Плывет над Русью, ширится набат.
Дом берегут лишь Марьи да Прасковьи.
Все поднялись в поход – и стар и млад.

Последние возы свозили с поля
И выпрягали заводных¹ коней.
Дай Бог надежды им и сильной воли
Прожить достойно муку тяжких дней.

Дай им терпенья, мужества и веры,
Смирения и сил нести свой крест.
Дружины из Димитрова, Мещеры,
Звенúгорода, Тулы и окрест,

Полки собирали по градам и вёсам² –
Из Стародуба, Юрьева, Дубны,
Из Углича, Владимира, Залесья³,
Со всех подворий всей большой страны.

Брал пахарь саблю, справу⁴ для похода,
Бронь⁵ дедову и стеганный халат.
Ждет ратников ко сроку воевода.
Команды «к бою!» в ножнах ждет булат⁶.

Взяв свой топор на долгой рукояти,
Шлем, в жарких сечах мятый, лишь могли
Жену, детей и мать поцеловати
И поклониться дому до земли.

¹ *Заводной конь* – запасной верховой.

² *Грады и вёси* – города и деревни.

³ *Залесье* – Московское княжество.

⁴ *Справа* – упряжь, походное снаряжение.

⁵ *Бронь* – кольчуга, железная рубаха.

⁶ *Булат* – холодное оружие исключительной стойкости и остроты (высоко-котвердая и упругая сталь с особым узорчатым рисунком поверхности).

В любой избе – родни скорбящей лица,
Тревожный вздох в напутственных речах,
Скрепясь душой, – молитва у божницы¹,
И молчаливый ужин при свечах.

Ослепнув, бабы плакали в печали,
Лишь древний дед бодрился, хоть и стар.
И, провожая ратников, кричали:
«Браты, не попусти на нас татар!»

Чем жив был наш народ? – единым часом, –
С оглядкою, с нуждою в поводе.
И улыбался каждый раз с опасом,
Чтоб не накликать новую беду.

Но жали хлеб с отчаянным упорством,
Суровые от праведных трудов...

Повязаны родством навек и свойством²
Сыны боярских столбовых³ родов

Волуевы, Кобылины, Зерновы,
Волынские, Бякóнтов не один,
Окатьевичи, Свѣбло, Воронцовы,
Сабура Федор, Шея Константин.

И крест святой поцеловав, и знамя,
Пришли оружно потчевать гостей
Иван Хромой, Кочевины с сынами,
Давид Казарин, Александр Остей,

¹ *Божница* – поставец, угольник для икон, образов, святой воды.

² *Свояк* – муж сестры жены.

³ *Столбовые* – занесенные в столбцы – родословные книги.

Василий Туша и Григорий Пушка¹,
Годун Данила, Жеребец Семен,
Чтобы жила родная деревушка
Вовеки с незапамятных времен.

Всяк знает, – дорога к обеду ложка.
И каждый князь привел с собой обоз.
Акинфичи, Кутуз и Федор Кошка²,
Пантей Василий и Иван Мороз.

Никто не ждал, что вот придет мессия,
И враг, как нечисть, от иконы – сгинь!
И отчина и дэдина³ – Россия
Для каждого из них и всех.
Аминь!⁴

- 2 -

Дремучие князей притихли споры
Пред общею бедою. И окрест
Плывет призывно над сосновым бором
Торжественный высокий благовѣст⁵.

А загодя в лесах под Радонёжем –
Хлеб преломили с братией святой.
Был вечер тих в обители, и свежим
Был старца лик, и словно молодой.

¹ Григорий Пушка Александрович – боярин, предок великого поэта А.С. Пушкина.

² Федор Кошка Андреевич – боярин, русский посол в Орде, пращур царей Романовых.

³ Дэдина – дедовская.

⁴ Аминь – да будет верно, воистину (древнеевр.).

⁵ Благовѣст – праздничный церковный колокольный звон (в день Успения Богородицы 08.09.1380 г.).

Благословил игумен Сергий¹ с божьей
Заботою – за всех держать ответ –
Двух инок² – в летах и помоложе, –
Монах – Ослябя, воин – Пересвёт³

Святыням поклонившись, готовы
На помощь князю Дмитрию⁴ идти.
Был крест тяжел и времена суровы, –
Казался княже старше тридцати.

Молитвы наши, Господи, услыши!
И я научен пращуром моим, –
Постыдного, слепого страха выше
Уверенность – умрем, но устоим.

Во все колокола Залесье било.
Чтоб землю сохранить – не умирать, –
Подрагивая копьями, рысила
Комонная⁵ бесчисленная рать.

Всяк знал, – судьба его решится днями,
Но не блажил, не трясся до поры.
Шли, шаркая дорожными поршнями⁶,
Несли ослобы⁷, пики, топоры,

¹ *Сергий Радонежский* – основатель Троице-Сергиева монастыря – обители (канонизирован Русской православной церковью).

² *Инок* – православный монах.

³ *Ослябя Родион, Пересвет Александр* – монахи Троице-Сергиева монастыря.

⁴ *Дмитрий Донской* – великий князь Московский и Владимирский (сын Ивана II), Рюрикович.

⁵ *Комонная* – конная.

⁶ *Поршни* – сандалии из целого куска кожи (либо плетеные).

⁷ *Ослоб* – дубина, жердь.

Рогатины¹. Ведь шли на бой не боги,
Не чародеи и не ведуны.
И сбрасывали с ног обóчь дороги
Растоптанные лапти – шептуны.

Сын за отца поднялся, брат за брата.
Несли, порой не мысля о броня́х,
Времен ещё Евпатий Коловрата²
Прадедовские ядра на ремнях.

Кто русичам победу напоро́чил?
Но жить они иначе не могли.
Шел предок мой, неотличим от прочих
Сынов России в по́днятой пыли.

✦ 3 -

*Рогожами Кашира нас обшила,
А Тула в лапти мужиков обула³*

Войска на поле Дёвичьем⁴ вставали
Плечо к плечу – был смотр всем полка́м...
С седых времен здесь в жертву отдавали
Славянских дев языческим богам.

Не мешкая ни часа – но́гу в стремя
И бронь на тело, коли есть броня...
Умел любой пахать, косить в то время,
Срубить избу и подковать коня.

¹ *Рогатина* – копьё с широким и длинным лезвием и двумя поперечными перекладинами.

² *Евпатий Коловрат* – полулегендарный рязанский боярин, в 1237 г. во главе русского полка нанес поражение отрядам Батыя во Владимиро-Суздальской земле.

³ Здесь и далее курсивом – древнерусские народные пословицы и поговорки.

⁴ *Дёвичье поле* – обрядовое поле под Коломной.

Но шли на смерть сыны земли родимой
За угнанных детей и жен в полон¹.
И были потому непобедимы.
И крайним рубежом был верхний Дон.

В предутреннем сгустившемся тумане
Был слышен гулкий топот по мостам.
Всяк загодя помылся в русской бане,
И каждый помолился: «Аз² воздам

За лошадь, что без сил на пашне пала
За тысячи сожженных деревень».
И каждый числил за врагом немало
За прожитый в несчастье каждый день.

За будущие подвиги медали
Никто не ждал. Но жизнь готов отдать.
И все мосты по бревнам раскатали,
Чтоб не было соблазна отступить.

И ночь плясала комариным писком,
И кони тихо хрупали овсом.
Был близко враг. И смертный час был близко.
И сон не шел. Какой тут, право, сон!

Кто отрешенно зрил в надежде в небо,
Кто чистил сбрую или бронь латал,
Точил стрелу, жевал краюху хлеба,
Молился в голос, онучи³ мотал.

Кто деревеньку вспоминал родную,
Кто с грустью принимался тихо петь,

* Полон – плен.

* Аз – я, и.

* Онучи – кусок плотной ткани, наворачиваемой на ноги (портянки).

Или готовил чистую, льняную
Рубаху, – перед боем чтоб надеть.

Походное содружество мужское –
Котел харчей один на шестерых.
Крестами обменявшись перед боем,
Крепили дух, помимо лат стальных.

И каждый думал, – не его коснется
Тяжёлый меч, хвостатое копьё.
Но мало с песней кто назад вернется
Из ратных, что донскую воду пьёт.

Уже тугой завязывался узел.
Из стольких волей был подвиг совершен...
Великий князь Владимирский был грузен,
Широк в плечах и, как медведь, тяжел.

Горяч был Дмитрий князь – не из сторожких,
И с воинской наукою знаком.
Князей зело надежных Всеволоджских¹
Послал Передним управлять полком.

А коли в жаркой сече станет туго,
Ему в подмогу против злых атак –
Андрей Серкиз – внук князя Кутлубуга² –
Бесстрашен и – Мамаю кровный враг.

И, взглядом воевод своих окинув,
Князь утвердил, как голову рубя:

¹ *Всеволоджские* – Дмитрий и Владимир Александровичи, Смоленские князья (Рюриковичи).

² *Кутлубуг* (перев. с татар. – владетель города Крым) – Астраханский царевич-чингизид.

«Большим полком боярин Вельяминов¹
Командованье примет на себя.

Князь Белозерский² – полк по Леву руку».
И, словно видя бой и вглубь и вширь,
Удерживать велел реки излуку
Морозову³ по прозвищу «Мазырь».

Любовью и враждой с Литвою скован,
Двух Ольгердовичей⁴ – на правый край –
Тяжелые из Полоцка и Пскова
Направил рати Дмитрий. И отай⁵

Вел воевода – князь Бобрók-Волынский⁶
Заса́дный полк, за рощею скользья.
Невидимый врагу, но к ратям близкий,
Судьбу победы в руки прочно взял.

Из всех бояр и воевод признали
Бобрóка старшим над собой войска...

Предутренней прохладой овевали
Туман с реки, сосновый дух леска́.

¹ *Вельяминов* – Тимофей Васильевич, боярин, московский окольничий (возглавлял приказы-ведомства).

² *Белозерский* – Федор Романович (Волынец), князь (Рюрикович).

³ *Морозов Лев Иванович* – боярин, московский воевода.

⁴ *Ольгердович* – Андрей (Вингольд) – Полоцкий князь – сын великого князя Литовского.

⁵ *Отай* – скрытно.

⁶ *Бобрók-Волынский* – Дмитрий Михайлович, князь, внук Гедимина – вел. князя Литовского.

Поднял Мама́й¹ до сорока тумéнов²
Степных мохнатых низеньких коней.
Наемников лихих и бесерменов³ –
Со всех улúсов⁴ рать и иже с ней.

Полыни запах, лошадей и пота
Неотвратимо плыл на рубежи.
Шагала генуэзская пехота,
Тяжелые доспехи уложив,

Пучки железных стрел и арбалеты⁵
В телеги. На ухабах грохоча,
Шли, жаждою наживы разогреты,
Несметною ордой, как саранча.

По всей степи от края и до края,
Дорогу за собой костями стеля,
До дна ручьи степные выпивая,
Вытаптывая рощи и поля.

Шла конница венгерская, на брани
Неудержим ее летящий шквал.
Шли гордые черкесы и армяне.
Лес острых сабель в воздухе дрожал.

Железная страды суровой поступь
Уже будила этот сонный край...

¹ *Мама́й* – темник из рода Кыят-Юркин, правитель Золотой Орды, убит в г. Ка́фа (Феодосия).

² *Тумен* – десять тысяч всадников-коинов (*монгол.*).

³ *Бесермен* – мусульманский откупщик (сборщик) дани.

⁴ *Улус* – территориальное родоплеменное объединение, подвластное хану (стойбище).

⁵ *Арбалет* – лук, укрепленный поперек на деревянном ложе (само-стрел).

Ночных костров бесчисленную россыпь.
Оглядывал задумчиво Мамай.

Огнем зловещим в небе полыхала
Войны планета – Марс, как никогда.
Природа перед битвой отдыхала.
Но чуялось, что близится беда.

Несло в степи кизячным¹ едким дымом
И жирною бараньёю шурпой².
Казался хитрый темник³ нелюдимым
И будущий как будто видел бой.

Шаман темнил, а может, просто бредил,
Понять пытаюсь звездные пути.
Мечтал Мамай о будущей победе,
Чтоб славою Батыя превзойти.

И долгой ночью фряги⁴ на привале
Клялись, богатство темнику суля,
Серебряные горы рисовали
И северных красавиц в соболях.

Меж Смолкою, Непрядвою и Доном –
Лихое время и удел суров.
Спят, повалясь на конскую попону,
Татарские тумены у костров.

Югры, косóги, кара́ймы, ясы⁵, –
Кто пил кумыс, узду вязал узлом,

¹ Кизяк – сухой козий помет.

² Шурпа – бараний бульон.

³ Темник – (здесь) предводитель всего войска, начальник тумена (монгол.).

⁴ Фряги – итальянцы.

⁵ Югры – древние ханты-мансийские племена. Косоги – черкесы. Кара́ймы – крымчаки, карайлары. Ясы – (аланы) ираноязычные сарматские предки осетин.

Ел пахнущее конским по́том мясо,
Размятое в походе под седлом.

Приверженцев Христа и Магомеда
Высвечивали тысячи костров.
И каждый верил в близкую победу,
И за нее был умереть готов.

Всех укрывал один небесный полог,
Как и сегодня – через шесть веков.
Был берег тих, лишь только птичий спóлох
Давал понять, что враг недалеко.

– 5 –

Быть бы ненастью, – дождик помешал.

Туман сошел к полудню. Одержимы
Азартом злым, стоят, смыкая строй,
Татарские и русские дружины,
Как будто кто скрывал их за горой.

Противники друг друга увидали.
Вороньи стаи принялись галдеть.
И по рядам, как эхо, передали –
Оружье к бою взять и брóни вздеть!

У каждого свой крест – и нет другого, –
На это поле роковое путь.
Болотисто, – потó¹ и Куликово,
Чтоб конницу путем не развернуть.

Как выгадать, князья мороковáли,
Чтоб не было маневра для врага.

¹ Потó – потому.

Рать обойти по флангам не давали
Дубрава и Непрядвы берега.

Как строй полков красив, пока потеха
Смертельная не началась! Когда
Побитых тел, порубанных доспехов
Еще не множит ратная страда.

Пока еще на поле – ни кровинки.
И воздух чистый, хоть с ладони пей.
И два богатыря на поединке
Сразились – Пересвет и Челубей¹.

Сгорели враз поленьями сухими.
Сломавшихся был страшен копий треск.
И, – белые кресты на черной схиме²,
А на груди – железный тяжкий крест.

У войска на виду, но не для виду, –
И честь и слава каждому своя!...
Бессмертную народную обиду
Нес Пересвет на острие копья.

– 6 –

Крик горловой от края и до края
Донесся вмиг, как острая стрела.
Железной лавой конница степная
На русский полк Передний потекла.

¹ *Челубей* – Темир-мурза, татарский богатырь, имел самое высокое буддистское посвящение «бон(г)-по».

² *Схима* – монашеское облачение, торжеств. клятва, обет православных монахов (*греч.*)

Ордынское бесчисленное войско
На русскую ломилось слитно рать.
Так тесные ряды смыкались жестко,
Что стали друг на друга напирать.

От конницы летящей – волны жара,
Разорванные диким ревом рты.
Подняв кривую саблю для удара,
Покрыв все поле – с гаком три версты,

Шли всадники едино сбитой массой.
Не дай кому Бог робкому узреть!
И коль не воин ты, а просто мясо,
То – с мокрыми штанами умереть.

Никто пока не дрогнул и не стонет.
Иван плечо с размаху раззудил
И, поплевав на дюжие ладони,
Рогатину покрепче ухватил.

Не ведал предок мой постыдной моды
В куст хорониться, если ворог близь.
И злых коней оскаленные морды
На вросших в землю ратников неслись.

И, сотворяя крестное знаменье,
Копьем саженым всадника поддев,
Детина кряжий¹ замер на мгновенье,
С натуги ликом грозным потемнев,

И под копыта следующего бросил,
Поднял коня на кованый металл.
Пошел работать, словно на покосе, –
Татар как копы свежие метал.

¹ *Кряжий* – мощный, здоровяк.

Летели стрелы тучами густыми.
Приняв всю мощь удара на себя,
Лишь заслоняясь ликами святыми,
Передний полк стоял, врагов рубя.

Бой принимала русская пехота.
И вновь неслись ордынцы, как с горы.
Вставал другой, лишь только падал кто-то.
Сломав копье, брались за топоры.

Отплевывая кровь, наотмашь били,
Хватали засапóжник¹, озверев.
Высо́ко в небе коршуны кружили,
Добычу для себя внизу узрев.

Уже три конных приступа отбили.
Рубились на́смерть, словно в забытьи.
И лошади копытами лупили,
Не глядя, где чужие, где свои.

Князь Дмитрий Всеволожский поднял руку
В крови по локоть (но споткнулся конь),
И равную со всеми принял муку.
Ипа́т², покойся с миром, охолóнь³.

Отчаянно, отважно, безнадежно
Отец и сын спина к спине дрались.
И друг за друга, если б было можно,
Врагу зубами в глотку бы впились.

И в каждом душу растворив ударе,
Гвоздили, позабыв про боль и страх...
Мир пополам рассек клинком татарин,
Срубив отца у сына на глазах.

¹ Засапожник – нож.

² Ипа́т – командир, старшина (греч.).

³ Охолóнь – остынь, успокойся.

Крик замер, точно оборвалось что-то.
Последний вздох. Застывший в мучке рот.
И Куликово приняло болото
Убитого, что рухнул во весь рост.

Сын, злыми краткий миг давясь слезами,
Татарина, медведем поборов,
Схватил за горло голыми руками.
И оба пали в месиво и кровь.

Закостенели хваткою железной.
Глаза замглило смертной пеленой...
Чтоб удержаться миг еще над бездной,
Они платили дорогой ценой.

Глухие стоны, хрипы, тел увечность.
Высокие¹ безмолвны небеса.
И минула, казалось, будто вечность,
А лишь дралюсь неполных два часа.

Кипит людская воющая каша.
Но каждый верил, что умрет не зря.
И выпита была до капли чаша
Героями восьмого сентября.

Излѹха было жертв на этой тризне¹.
Час роковой безжалостно пробѹл
Для тысячи судѹб и ярких жизней.
Пал костью полк весь, но не отступил.

¹ *Тризна* – поминальный языческий обряд (славян.).

*Два брата хоть с ухватом – на медведя,
С половником два свата – на кисель.*

Рожки запели, грянули цимбалы¹.
Прорвавшись сквозь передних и в обход,
Ордынцы лезли меж полков в провалы,
Как через реку, где помельче, – вброд.

Чей недогляд, промашка и оплошка, –
В рядах прореха, да людьми урон?
Был страшен натиск конницы кособожской.
Шли печенеги² сразу с двух сторон,

Ведомые отчаянным Таш-Беком³.

Сшибались грузно лошадей бока.
Данила да Иван – два человека
Осталось только от всего полка.

И русичей ломая авангарды,
Сминая рати левого крыла,
Вся в железáх, уставя алебарды⁴,
Пехота генуэзская пошла.

Под ливнем стрел стальной кулак вонзила.
Сверкали сабли яростным огнем.
Но даже этот натиск страшной силы
Замедлился.

«Славяне, не прогнем!» –

¹ *Печенеги* – половцы, кыпчаки. *Куманы* – объединенные тюркские племена в южнорусских степях.

² *Цимбалы* – древний многострунный ударный инструмент.

³ *Таш-Бек* – правнук Чингисхана.

⁴ *Алебарда* – длинное копье с насаженным боевым топором.

Крик по рядам. Не моего ли предка
Поставила судьба принять удар?
Полка́ Большого рать стояла крепко,
Своим упорством поразив татар.

Непрошенных гостей горьки гостинцы.
Но дедовская бронь не подвела.
Вдруг – слева крик: «Обходят нас ордынцы!» –
В стыд отступленья битва перешла.

Морозов Лев – московский воевода
Убит стрелою, вырвавшись вперед.

К Непрядве перед ужасом обхода
Спасались бегством русичи вразброд.

Попятился к реке заслон московский.
Бежал в смятенье ополченцев вал.
Ивану в самый раз топор отцовский
От четверых отбиться помогал.

Рогатиной кобóжцев осеняя,
Брели по полю, падая от ран.
Крымча́к ловил кого-то, догоняя,
Разматывая на скаку аркан.

Не думая о большем, отбивались,
Всяк только за себя, как дикий зверь.
Затравленно дрались, но не сдавались,
Лишь умножая тяжести потерь.

Превыше жизни ставя ратоборский
Долг, но не в силах рати повернуть,
Пал замертво князь Федор Белозерский,
Успев «Ты ве́си¹, Господи...» шепнуть.

¹ Ты ве́си – ты ведаешь, знаешь.

В рядах замятня¹ умножалась кратно,
И всяк спасал лишь животы своя.
Вокруг себя удерживали ратных,
Но – тщетно Ярославские² князья.

И, в тяжести беды удостоверясь,
С собой великий князь не совладал, –
И шестопёр³ и княжескую фёрязь⁴
Бренко⁵ он Михаилу передал.

Сорвался в драку без подмоги даже.
В сердцах промолвил лишь Иван Квашня⁶:
«Не оберечь тебя мне, чую, княже!»
И Дмитрию вослед погнал коня.

Был князь смертельной увлечен игрою.
Не за рубаху же его имать!

Залитые своей и вражьей кровью,
Славяне не хотели уступить.

Кричали: «С нами Бог и Дмитрий с нами!»
Сверкало солнце гранями клинка.
Горит багряно-золотое знамя
Над головою славного Бренка...

¹ *Замятня* – сумятица, неразбериха (смута).

² *Ярославские* – Василий Васильевич и Федор Романович – владельцы князья (Рюриковичи).

³ *Шестопёр* – воеводская железная булава с шипами (символ великокняжеской власти).

⁴ *Ферязь* – верхняя одежда с длинными рукавами без воротника и перехвата.

⁵ *Бренко Михаил Андреевич* – вологодский боярин, оруженосец Дмитрия Донского.

⁶ *Квашня Иван Родионович* – московский боярин, воевода костромских полков.

Я не поклонник постных щей и кваса
И не спешу за веру быть распят.
Но зóлотом расшитый образ Спаса¹
На знамени и дорог мне, и свят.

Ведь крепости порукой были стяги,
И каждый древней славой осиян...
Неслись разноплеменные ватаги
И прорубались к знамени славян.

На рать, что в этой давке задыхалась,
Гнал Тюлюбек² отряды кыпчаков.
И, кажется, мгновенье оставалось
До полного разгрома всех полков.

Ломая поредевшие заслоны,
Ордынцы мчались, словно ураган,
В котёл вливаясь битвы непреклонно...
Спаси вас Бог, Данила и Иван.

И в сумасшедшем яростном угаре
Крушил доспехи княжий харалуг³...

Достал копьем Бренка́ лихой татарин.
И выпал стяг из ослабевших рук.

Андрей Серкиз, подстёгнутый позором,
Удерживая вспятившую рать,
Гвоздя своих нещадно шестопёром,
Рванул вперед, чтоб знамя вновь поднять.

От ржания коней и страшных криков
Закладывало уши. Сатанел,

¹ *Образ Спаса* – лик Христа Спасителя.

² *Тюлюбек* – племянник Мамаю.

³ *Харалуг* – булат, сталь.

Бил разъяренно, радостно и дико,
Сломалась сабля – булавой огрел.

Бил бешено и гневно в исступленьи.
Глаза кровавый застилал туман.
Качнулся конь и рухнул на колени.
Князь чудом вынул ноги из стремян.

– 8 –

Глядел Бобрók на свалку рукопашной.
Полк погибает! Но, сквозь зубы: «Ждать!
В кровавую мятущуюся кашу,
Куда? Какие рати посылать?!»

Был полон тяжкой муки взгляд Бобрóка.
Но вестовой к нему уже летел.
Все силы, что берег Мамай до срока, –
В решающий момент не пожалел.

И гвардии, и грозного отряда
Хазарских¹ турков, наводивших страх.
Вперед летела конницы громада
На разъяренных бешеных конях.

Казалось, не сдержать того удара.
Пехота стонет, но еще жива.
Бой вспыхнул с новой силой зло и яро.
В крови поникла рыжая трава.

Уже сводило судорогой руку.
Но, стылой жутью сердце сжав в кулак,

¹ Хазары – тюркские племена, кочевали в Западно-Прикаспийской степи (булгарский язык. гр.).

Вал опрокинув вражий в мясорубку,
Держали новгородцы правый фланг.

Князь Дмитрий, – не затем, чтоб отличиться,
Со всеми вместе в самом пекле был.
Зело¹ у князя тяжела десница²,
И он рубил, рубил, рубил, рубил...

В броне помятой, страшный и кровавый,
Не глядя, где тут конь, где богатур³,
Не ведая, где левый фланг, где правый,
Ломился напролом, как дикий тур⁴.

Уже и рядом мало кто остался.
К руке присохла рукоять меча.
Под князем рухнул конь и задыхался.
А Дмитрий все рубил, как зверь рыча.

Вставал и падал. Снова шел, рубился.
Победный час еще был так далек.
Но кто-то из своих к нему пробился.
И вал бегущих Дмитрия увлек.

Хрипя, шатался дюжий человеке,
Оплакивая смерть своих полков,
Отхлынувшей уже не слыша сечи
И пения далекого рожков.

К нему по полю русичи спешили,
Сумевши от хазар уйти в отрыв.
В истоме смертной князя положили,
Березовыми ветками укрыв.

¹ Зело – очень, весьма, сильно, дуже.

² Десница – правая рука.

³ Богатур – богатырь (монгол.).

⁴ Тур – первобытный дикий бык (вымер в XVII в.).

Надежда в русском стане тихо таяла.
И темнику добычу рок сулит..
Вдали все ждал литовский князь Ягáйло¹,
Чья сила силу раньше одолит.

- 9 -

*Лиса курят ходила ночью красть,
Да и сама попала волку в пасть*

Но грохоча, как будто камнепадом,
Спеша вернуть врагу кровавый долг,
Сметал, как половодьем, все преграды, –
Шел из дубрав Засáдный русский полк.

И слитный рык «Хур-р-р-ра!» – сильнее шока
Застал врасплох татарских храбрецов.
Все ближе бой. И ветер нам подмога, –
Дождь русских стрел летел врагу в лицо.

Гремели, как набат, стальные латы.
На три версты по фронту – лес клинков.
До скрежета и хруста зубы сжаты.
Храп лошадей, рев слитный седоков.

Татары дико по полю метались,
Ища себе спасенья у реки.
Ползли, бежали, падали, кидались,
Топя друг друга, в Буйцу степняки.

Уже никто не помышлял отбиться.
Сбежал от гнева ханского шаман.
И в сече уцелевшие ордынцы
Стрелой летели в сумрачный туман.

¹ Ягáйло – великий князь литовский, сын Ольгерда, основатель династии Ягеллонов.

Не думая о страхе и о боли,
Заса́дный полк летел, неукротим.
И мало кто укрылся в Диком поле¹.
С немногими Мамай сумел уйти.

На стыд и плен отставших обрекая,
Нойо́нов² в поражении вина,
Орды властитель, злобой истекая
Бессильною, все гнал и гнал коня.

Был скор жестокий темник на расправу,
Грозил врагам безжалостным судом.
Но войско потерял Мамай и славу,
И жизнь... еще не ведая о том.

- 10 -

То не беда, что в поле лебеда

Без мертвых смертной брани не бывает.
Но люди шли не умирать, а жить.
А сколько тысяч матерей не знает,
Где похоронен сын ее лежит?

По воле князя па́ли или хана
Черкесы, новгородцы, лопару́³,
Они лежали рядом бездыханно, –
Боец кулачный, иннок из Твери.

Такую цену горько и нелепо⁴
Платить, хоть и с молитвой на устах.

¹ *Дикое поле* – степи между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны.

² *Нойо́н* – военачальник (*монгол.*).

³ *Лопару́* – саами, скандинавские племена.

⁴ *Нелепо* – некрасиво, бессмысленно.

Стих ветер. Густо вызвездило небо.
И волки выли, крадучись в кустах.

Боброк, скорбя о всех погибших доле,
В раздумье ехал шагом на коне.
И, глядя на истерзанное поле,
Князь ужаснулся дорогой цене

Победы...
Всех живых найти старались,
В ком не успела жизнь еще остыть.
То там, то тут кострища загорались.
Просили тихо раненые пить.

Кому – покой навек, кому – лишь роздых,
И сил, чтоб только дохлебать кулеш.
А спелые сентябрьские звезды
Висят так низко, – хоть срывай да ешь.

Средь мертвых иль живых была забота
Сыскать своих на ковыле сыром.
И каждый выкликал из тьмы кого-то
Средь тысяч тел меж Доном и Днепром.

Здесь каждого из нас судьба решалась.
И не понять – то стон ли, отклик чей,
Или Земля о павших сокрушалась,
Или скорбящих утешал ручей.

Убитых узнавали, опечалась,
Прислушивались, – кто начнет стонать.
И Дмитрия, уже вконец отчаясь,
Все не могли средь павших отыскать.

Холопов Федор в полной непролази
Едва живого Дмитрия растряс.

Поверх кольчуги был надет на князе
Заветный колонтáрь¹, вот он и спас.

К нему бежали кмéты², улыбаясь,
И в чувство привели, растормошив.
И с мокрым ликом князь стоял, качаясь,
Еще не веря, что остался жив.

«Победа, князь! – На щít прими же славу. –
Такая долгожданная – одна
На всех».

И Дмитрий стал Донским по праву,
Подняв тяжелый крест на раменá³.

.....

- 11 -

Уж лучше хлеб с водой, чем пироги с бедой

Пройдя за всех потомков круги ада,
На вечность обрели они права.
В скудéльнице⁴ одной лежали рядом
Зыряне, чудь⁵, косоги и мордва.

Сменилось тридцать с лишним поколений.
Свой род упомнить, – нужен редкий дар.
Кто мы по крови, из каких селений?
Из Речи Посполíтой⁶, иль булгар⁷?

¹ Колонтáрь – доспехи из металлических пластин.

² Кмёт – ратник, дружинник.

³ Раменá – плечи.

⁴ Скудéльница – общая (братская) могила.

⁵ Зыряне – предки коми, чудь – эсты и другие финские племена (по рекам Онега и Северная Двина).

⁶ Речь Посполита – польско-литовское государство (1569–1795 гг.).

⁷ Булгары – предки болгар (на Волге и Каме).

Неужто кулики мы на болоте,
Без племени и роду твари? ...Но
Стих завершать на этой грустной ноте, –
С души воротит, стыдно и грешно...

Кружат вблизи внимательные грифы
И ждут, что к нам опять придет беда.
Преодолеть пора настала мифы,
Обычай древний вспомнить, и тогда

Пустить по кругу братину-ендóву¹,
Эмоции унять, умерить прыть,
И поклониться полю Куликову,
И спину другу вовремя прикрыть.

Здесь предок мой далекий похоронен
Меж Смолкой и Непрядвою рекой.
Был крепкий дух важней железной брони
Для всех, кто навсегда обрел покой

На всех полях сражений, став оплотом
Руси.

Звонит вновь колокол по ним.
Хранят их прах поганые болота.
Их подвиги мы в сердце сохраним...

Без веры и набат подобен воплю.
Без испытанья друга не найдешь.
Как из дуги не сделаешь оглоблю.
Как из песка веревки не совьешь.

По древнему загадочному коду
Русь восстает, захватчиков грома.
Так повелось, – нас из дождя да в воду,
А из огня бросает в польмя.

¹ *Братина-ендова* – большая округлая чаша с широким горлом для питья
«на всю братию».

В беде спешим соседа успокоить.
Всех страждущих нам хочется спасти.

Но, – вдруг себе решил избу построить,
В кармане стал скрести – дыра в горсти!

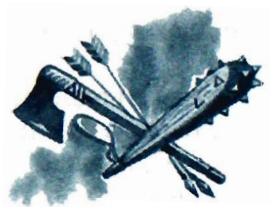
*Всего богатства – чугунок, да веник,
Один ухват, да два алтына¹ денег*

Конечно, лучше свадьба с пирогами,
Чем в подворотне пьяная резня...

Но где-то бьется родич мой с врагами
Неведомый сегодня за меня...

Родным могилам и всем павшим вместе
Ты поклонись и горсть землицы кинь.
Придет черед – мы тоже станем перстью².
Все преходяще на земле.

Аминь!

¹ Алтын (тат. золото) – старинная русская монета = 3 копейки.

² Персть – прах, пыль.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Зачем живу	7
Идущим следом	12
Заповеди моей семьи	14

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Да будет так!.....	19
У родника.....	20
За горизонт.....	21
Мечты старой штормовки	22
Проводы.....	23
Новостройка.....	24
Завод.....	25
За окном	26
Первые шаги	27
Туман в городе.....	28
У грани темноты.....	29
Городской автобус	30
Последний день.....	32
Полдень	34
Ветер.....	35
Из детства.....	36
Воспоминание о школе.....	37
В музее.....	38
На концерте.....	39
Джанни Маранди.....	40
На сборном пункте	41
Наступит этот день.....	43
Неизбывное.....	44
«Слова расставить по местам...».....	45
«Дай Бог нам всем душевной теплоты...».....	46

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Метель.....	49
Стихи на табуретке.....	50
«Вот и окончился век бесконечных морозов...».....	52
Апрель.....	53
День поэзии.....	54
О зеленом ростке.....	55
Весна.....	56
Смущение.....	57
Новогодняя звезда.....	58
Посленовогодье.....	59
Южный ветер.....	60
Звезды падают.....	61
Крылья.....	62
Тишина.....	63
Осыпается сад.....	64
На берегу.....	65
Сажены.....	66
«По беспокойному морю пшеницы...».....	66
Май.....	67
Снег в апреле.....	68
Придет черед.....	69
Солнечный день.....	70

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Милой женщине.....	73
Запах полыни.....	74
Замка хозяйка.....	75
Ожидание почты.....	76
Одиночество.....	77
«Не люблю обреченности машущих рук...».....	78
Избранница.....	79
Страх.....	80
Неоконченное.....	81
У зеркала.....	82
«Сбиты простыни и смяты...».....	83
Татьяне.....	84
Таня, Танюшка, Татьяна.....	85
Моей любимой.....	91
Признание.....	93
Весна на Таймыре.....	97
Серебряный век.....	98

ЗА ДРУГИ СВОЯ

Друзьям.....	103
За други своя.....	106
Товарищу Елезову, человеку и самолету	110
Анатолию Масалову.....	112
Петру Добрынину	114
Анатолию Масалову.....	116
Владимиру Женову	118
Василию Скосырскому	119
Вадиму Федорову	120
Михаилу Кузьмину	121
Камчатка	122
Охота в горах Алтая	125
Один на один.....	127
Пьяная арифметика.....	130

ПОЭМЫ

Дорога в космос (Звездный час).....	135
Слова к поэме «Герои восьмого сентября» А. Филичева..	157
Герои восьмого сентября.....	161

Бернадский Юрий Иванович

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Стихи и поэмы

Художник Медведев А.Н.

Обложка Савин В.Н.

Корректор Ярков В.И.

Верстка Вялкова О.Н.

Сдано в набор 10.05.2010. Подписано в печать 21.06.2010.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №333

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел./факс (383) 221-96-28. E-mail: id-ins@cn.ru

Отпечатано в ГУП СИПКП «Наука»
6300077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25

10
11
12

13

30 руб. = цена
коп.

РУССКАЯ КНИГА

Мне стыдно битый час сидеть без дела праздно
И кланчить разных благ у Бога и родни.
О многом не прошу – избави от соблазна,
Семью и отчий дом спаси и сохрани.

Юрий БЕРНАДСКИЙ

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ